

23655

О ВИЗАНТІЙСКОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

ВЪ ЯЗЫКѢ ДОГОВОРОВЪ

Русскихъ съ Греками.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Давровскаго.

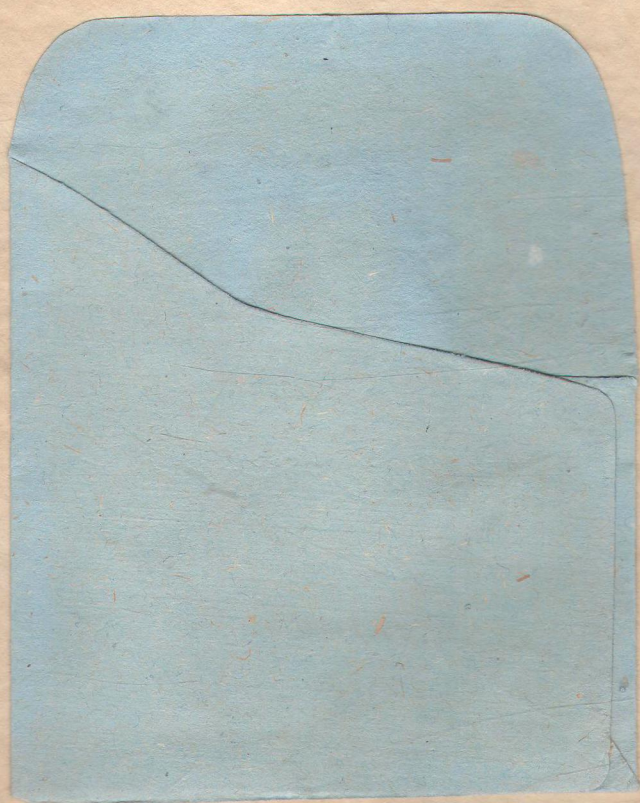

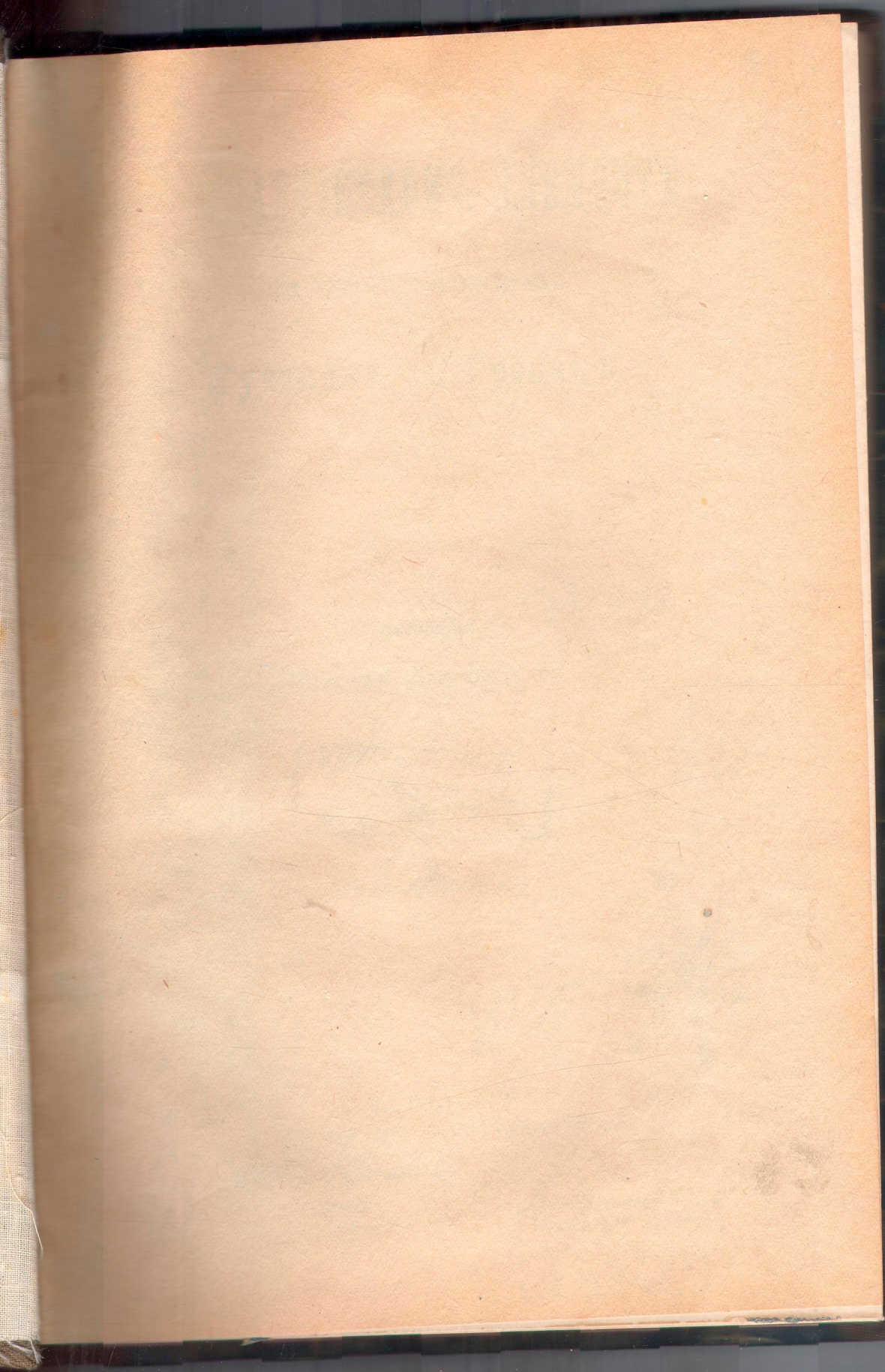
ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

1904.

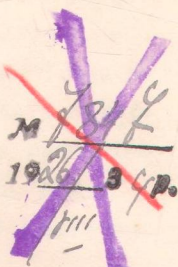
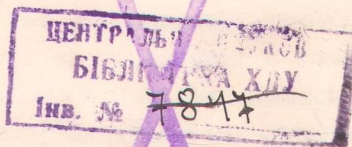
О ВИЗАНТІЙСКОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

ВЪЯЗЫКЪ ДОГОВОРОВЪ

Русскихъ съ Греками.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Лавровскаго.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

ЦНБ ХНУ ім. В.Н. Каразіна 004.

2010 р.

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Инв. № 23 655

Проверено
ЦНБ 1939

Дозволено цензурою.
Варшава, 1 сентября 1904 г.

О ВИЗАНТІЙСКОМЪ ЭЛЕМЕНТѢ

въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками ¹⁾).

Развитіе духовной жизни Русскаго народа имѣетъ свои періоды, опредѣляемые его природою, историческою судьбою и мѣстными условіями. Современный намъ періодъ справедливо можетъ быть названъ періодомъ стремленія къ самопознанію. Самопознаніе же невозможно безъ раскрытія природы Русскаго народа, а непогрѣшительное опредѣленіе послѣдней можетъ быть только историческое. Отсюда стремленіе къ правильному уразумѣнію прошедшаго, неизбѣжныя же слѣдствія этого уразумѣнія — довѣріе къ собственнымъ силамъ и сознательная любовь къ отечеству. Укрѣпленные Европейскою образованностію, съ яснымъ сознаніемъ цѣли, мы обратились къ изслѣдованію себя, своего настоящаго и прошедшаго. По вызову просвѣщеннаго Правительства ревностные дѣлатели выступили на необозримое поле науки о Россіи. Тогда-то по полуистлѣвшимъ хартіямъ начали воскрешать сѣдую старину и раскрывать тѣ законы, по которымъ развилась жизнь Русскаго народа. Въ ряду памятниковъ, прямо и неуклонно ведущихъ къ этой цѣли, почетное мѣсто занимаютъ договоры Русскихъ съ Греками.

¹⁾ Это цѣнное изслѣдованіе давно сдѣлалось библиографическою рѣдкостію. Еще въ 1885 г. проф. А. А. Потебня говорилъ о необходимости перепечатанія его. *Ред.*

Договоры составляют лучшее украшеніе и преимущество древнѣйшей исторіи нашего отечества предъ тою же исторіею другихъ народовъ, обыкновенно сокрытою въ таинственномъ мракѣ вымысловъ и смутныхъ преданій. При нихъ нѣтъ мѣста произвольнымъ предположеніямъ писателя, старающагося восполнить ими скудость наличныхъ свѣдѣній. Ими объясняются не только отношенія Русскихъ къ Грекамъ, но и степень развитія общественной жизни, выражаемая какъ самымъ ихъ содержаніемъ, такъ и языкомъ. Содержаніе указываетъ на многія черты первоначальнаго гражданскаго устройства Руси, а языкъ наглядно представляетъ ея духовное достоинство. Еще знаменитый Шлецеръ призналъ ихъ единственными, необычайными во всемъ историческомъ мірѣ ¹⁾).

Но самая необычайность не могла не породить въ недовѣрчивыхъ умахъ сомнѣній касательно ихъ подлинности. Договоры, какъ и вся лѣтопись Нестора, должны были прежде силою истины отразить нападенія скептиковъ и потомъ уже занять почетное мѣсто въ ряду первостепенныхъ источниковъ отечественной исторіи. Возраженіе, заимствованное отъ молчанія о нихъ Византійскихъ писателей, устранено ближайшимъ разсмотрѣніемъ послѣднихъ. Возраженіе, основанное на мнимой сбивчивости хронологіи, блистательно опровергнуто Кругомъ. Съ того времени подлинность договоровъ признана единогласно. Пора сомнѣній миновалась, наступила пора подробнаго и тщательнаго ихъ изученія.

Правильное же изученіе памятниковъ древнѣйшей письменности вообще имѣетъ свою послѣдовательность, свой естественный порядокъ, опредѣляемый различными условіями. Такъ различенъ порядокъ въ изученіи памятниковъ туземнаго и иноземнаго происхожденія, оригинальныхъ и переводныхъ. Въ послѣднихъ прежде всего необходимо обратиться къ подлинникамъ для сравненія съ ними; такое сравненіе весьма часто уясняетъ текстъ и

¹⁾ П. 693. Срв. Евверса Древ. Русск. Пр. стр. 133.

вмѣстѣ служить наилучшимъ проводникомъ къ раскрытію самаго содержанія. Въ томъ же случаѣ, когда несохранились подлинники, весьма полезно обратиться къ другимъ современнымъ имъ иноземнымъ памятникамъ, чтобы изъ соображенія ихъ языка извлечь нѣсколько данныхъ для объясненія переводовъ. Согласно, что этотъ способъ истолкованія древнѣйшихъ переводовъ, подлинники которыхъ утратились, утомителенъ, что продолжительное чтеніе иноземныхъ писателей съ этою цѣлію можетъ привести къ какому-либо незначительному и то приблизительно вѣрному заключенію, но должно помнить, что, во-первыхъ, для подобныхъ памятниковъ этотъ способъ есть часто единственный, а во-вторыхъ, если удастся изъяснить имъ смыслъ хоть одного мѣста, дотолѣ непонятнаго или ложно понимаемаго, и подтвердить справедливость толкованія положительными доказательствами, то трудъ уже вознагражденъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, болѣе или менѣе важнаго, смотря по относительной важности изъясняемаго мѣста. Съ другой стороны тотъ же способъ, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ сопровождаться обильными послѣдствіями, и чѣмъ важнѣе по содержанію памятникъ, тѣмъ драгоцѣннѣе его объясненіе, потому, что каждая правильно истолкованная мысль освѣщаетъ ту или другую черту въ жизни народа. Вѣрное изъясненіе одного мѣста такого памятника есть уже заслуга Наукъ.

Указанный способъ объясненія древнѣйшихъ переводовъ посредствомъ сближенія ихъ съ подлинниками тѣмъ болѣе необходимъ, что переводы составляютъ большую часть первоначальной нашей письменности. Въ то время, когда мы не только еще не созрѣли къ самобытной умственной производительности, но когда не установились прочно и самыя первыя условія общественной жизни, мы пришли въ столкновеніе съ народомъ въ высокой степени образованнымъ, который, вмѣстѣ съ спасительнымъ свѣтомъ Христіанскаго ученія, не замедлилъ пересадить на Русскую почву и другіе прекрасные плоды своей обра-

зованности. Церковныя и отчасти гражданскія постановленія заимствованы изъ Греческаго Номоканона, переводы котораго принадлежать къ первымъ вѣкамъ Христіанства въ Руси; любимымъ чтеніемъ нашихъ благочестивыхъ предковъ были переводы твореній св. Отцевъ; самая лѣтопись Нестора заключаетъ въ себѣ ясныя и обильныя слѣды Греческаго вліянія.

Договоры Русскихъ съ Греками безспорно принадлежать къ числу переводныхъ памятниковъ, а потому ихъ изученіе должно быть начато сближеніемъ ихъ языка, за неимѣніемъ подлинниковъ, съ языкомъ современныхъ Византійскихъ писателей. Византійское происхожденіе договоровъ очевидно, и въ немъ не сомнѣвались даже тѣ, которые вовсе не разсматривали ихъ съ этой точки зрѣнія. Такъ еще въ 1828 году Пав. Строевъ, по поводу разсужденія о заимствованіяхъ Нестора изъ Греческихъ источниковъ, говоритъ: „я даже увѣренъ, что описанія первыхъ походовъ на Царь-градъ (907 и 945 г.) и самые договоры заимствованы имъ (Несторомъ) изъ такой Византійской хроники, которая до насъ не дошла, или таится въ неизвѣстномъ углу какого-либо книгохранилища: слогъ, подробности, самая темнота не Несторовы ¹⁾. Въ подобныхъ общихъ выраженіяхъ повторяли ту же мысль и другіе, касавшіеся нашего предмета ²⁾, такъ что должно говорить не о присутствіи въ договорахъ Византійскаго вліянія, а о степени этого вліянія. На послѣдній вопросъ: въ чемъ и въ какой степени договоры обнаруживаютъ слѣды первоначальнаго своего происхожденія, мы обратимъ здѣсь наше вниманіе и съ этою цѣлію разсмотримъ ихъ 1) со стороны внѣшней формы вообще, на сколько отразился въ ней Византійскій элементъ, 2) со стороны построенія періодовъ, 3) тѣхъ синтаксическихъ особенностей, которыя обнаруживаютъ то же вліяніе и 4) со стороны от-

¹⁾ Труд. Общ. Ист. и Др. Рос. Ч. IV, стр. 175.

²⁾ Эверсъ Древ. Р. Пр. стр. 138. Погодинъ. Критич. изслѣд. о Рус. Ист. I. 123 и 147.

дѣльныхъ словъ и выраженій, наиболѣе представляющихъ ся переводными.

I.

Разсмотрѣніе внѣшней формы договоровъ.

Прежде указанія на византійское вліяніе, отразившееся на внѣшней формѣ договоровъ, мы остановимъ на нѣсколько мгновений вниманіе читателя на договорѣ, заключенномъ Олегомъ подъ стѣнами Константинополя и внесенномъ въ лѣтопись Нестора безъ соблюденія надлежащей формы ¹⁾. Почему онъ не вошелъ въ формальный договоръ 911 года и почти буквально повторенъ въ договоръ 945 года? Трудно, конечно, отвѣчать утвердительно на первый вопросъ, а потому мы позволимъ себѣ только слѣдующія предположенія. Въ договорѣ 911 года послѣ вступленія, заключающаго въ себѣ общую мысль о неизмѣнномъ сохраненіи мира, непосредственно слѣдуютъ статьи, опредѣляющія взаимныя отношенія Грековъ и Русскихъ, и при томъ въ частныхъ случаяхъ, такъ что при переходѣ отъ этого общаго вступленія къ частнымъ опредѣленіямъ правъ и обязанностей, невольно останавли-

¹⁾ Отсутствіе этой формы нельзя ли объяснить тѣмъ, что онъ заключенъ былъ въ присутствіи самого В. Князя, безъ посредства пословъ, по отношенію къ которымъ необходимо было строгое соблюденіе всѣхъ формъ. Святославовъ договоръ, заключенный въ присутствіи В. Князя, также отличается удивительною краткостію. — Что же касается до мнѣнія Эверса, будто бы въ историческомъ разсказѣ по поводу Олегова договора множество Греческихъ словъ (стр. 138), то мы не можемъ согласиться съ нимъ, потому что не только убѣждены въ отсутствіи грецизмовъ, но и въ томъ, что всѣ обстоятельства, сопровождавшія Олеговъ походъ, изображены совершенно въ народномъ духѣ и заимствованы, безъ сомнѣнія, изъ какого-нибудь народнаго преданія, что впрочемъ и прежде было предполагалось.

ваешься, чувствуешь, что чего-то недостаетъ. Не должно ли подразумѣвать здѣсь общихъ условій договора 907 г.? Самая форма первой статьи, начинающей частныя опредѣленія отношеній Русскихъ къ Грекамъ: „а о головахъ, иже ся ключить проказа, урядимся сие“ заставляеть предполагать, что она есть продолженіе предшествующей статьи съ болѣе общимъ содержаніемъ. Исключить же изъ договора 911 года упомянутыя общія условія могъ тотъ, кто внесъ его въ лѣтопись, былъ ли то самъ Несторъ, или монахъ Лаврентій, или иной кто-либо ¹⁾. Могло случиться, что лѣтописецъ, помѣщая въ своей лѣтописи договоры, замѣтилъ, что подъ 911 годомъ почти буквально повторяются статьи, уже записанныя имъ подъ 907-мъ, почелъ полезнымъ, для сокращенія труда, освободить себя отъ вторичнаго ихъ переписыванія, вовсе не думая о необходимости дипломатической точности. По крайней мѣрѣ несомнительно то, что нашъ лѣтописецъ иногда обращался довольно свободно съ Греческими источниками, особенно при изложеніи событій, имѣвшихъ прямое отношеніе къ его отечеству.

Не менѣе несомнительно и то, что договоръ, заключенный самимъ Олегомъ подъ стѣнами Константинополя, былъ отдѣльный, самостоятельный, скрѣпленный съ обѣихъ сторонъ клятвою и окончательно рѣшавшій вопросъ о взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Но такъ какъ при его заключеніи Русскіе имѣли въ виду одни выгоды торговли и не предвидѣли неизбежныхъ столкновеній, требующихъ точнѣйшаго опредѣленія правъ и обязанностей, то о послѣднихъ вовсе и не упомянуто. Когда же опытъ убѣдилъ въ ихъ необходимости, то Олегъ отправилъ въ Константинополь особыхъ пословъ, которые и опредѣлили отношенія этого рода. Последнее объясненіе отсутствія статей 907 года въ договорѣ 911 года намъ кажется вѣроятнѣйшимъ и потому, что между обоими договорами про-

¹⁾ См. Предисл. къ первому тому Полн. Собр. Лѣтоп., стр. хіх. Срв. Эвер. стр. 92.

текло четыре года, въ которые могло произойти много столкновений, при такой неопредѣленности правъ и обязанностей между Греками и Русскими, проживавшими для торговли и службы въ Константинополѣ.—Столь же трудно отвѣчать положительно и на другой вопросъ: почему первоначальный Олеговъ договоръ почти буквально вошелъ въ договоръ 945 года. Не позволяя себѣ относительно его бездоказательныхъ предположеній, скажемъ здѣсь только, что это опущеніе въ одномъ и вставка въ другомъ договорѣ говорятъ въ пользу того мнѣнія, что договоръ 907 года былъ исполнѣ самостоятельный, договоръ 911 года столько же самостоятельный, но по содержанию болѣе частный, договоръ же 945 года исполнѣ самостоятельный и при томъ заключающій въ себѣ общія и частныя опредѣленія правъ и обязанностей, съ нѣкоторыми опущеніями сравнительно съ Олеговымъ, опущеніями, которыя, вѣроятно, касались статей болѣе недѣйствовавшихъ при перемѣнѣ обстоятельствъ. Обращаемся къ разсмотрѣнію внѣшней формы договоровъ.

При первомъ взглядѣ на всѣ наши договорныя грамоты, нельзя не замѣтить, что онѣ заключены въ строгую форму, какая въ то время была въ употребленіи для подобныхъ актовъ: въ началѣ и концѣ ихъ, въ видѣ вступленія и заключенія, находятся общія мысли, высказывающія увѣренія въ охраненіи мира, а между ними помѣщены самыя условія. Присутствія этой формы не станетъ отрицать самый поверхностный читатель. Если же ея присутствіе несомнѣнно, то неизбѣженъ вопросъ: откуда она появилась, и другой: были ли въ состояніи Русскіе въ началѣ X вѣка облечь предложенныя ими условія въ систематическую форму?—Находясь еще въ первой порѣ развитія общественной жизни, Русскіе въ началѣ X вѣка могли выражать свои мысли только такъ, какъ имъ внушала простой, здравый смыслъ, сама природа, не подчиняя ихъ искусственнымъ формамъ, о которыхъ не имѣли никакого понятія и которыя появляются въ эпоху полного развитія гражданственности. Если же

Руссы сами не могли сообщить внѣшней формы своимъ договорамъ, то они могли получить ее только отъ Грековъ. Такое заключеніе, какъ вытекающее съ логическою необходимостію изъ самаго существа дѣла, должно признать справедливымъ даже въ томъ случаѣ, когда бы время истребило въ договорахъ всѣ слѣды ихъ первоначальнаго происхожденія. Если же время сохранило эти слѣды, если тщательное разсмотрѣніе открываетъ ихъ несомнѣнное присутствіе на всемъ пространствѣ договоровъ, то упомянутое заключеніе принимаетъ видъ неоспоримой истины.

При всей увѣренности въ Греческомъ происхожденіи внѣшней формы нашихъ договоровъ, не излишне было бы представить положительныя тому доказательства. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли не только Византійскіе подлинники и подлинники Русскихъ списковъ, но вообще мы не имѣемъ отъ того времени и другихъ однородныхъ съ ними актовъ, сравненіе съ которыми могло бы привести къ вѣрному заключенію. Изъ сравненія же съ актами неоднородными, хотя и имѣющими официальное значеніе, очевидно, можно извлечь только приблизительно вѣрное заключеніе, а потому мы, не позволяя себѣ распространяться объ этомъ предметѣ, приведемъ здѣсь слѣдующія немногія указанія.

Изъ цѣлаго ряда заглавій грамотъ отъ Византійскихъ Императоровъ къ иноземнымъ Государямъ, собранныхъ Константиномъ Багрянороднымъ въ сочиненіи: «*de ceremoniis aulae Byzantinae*» во многихъ нельзя не видѣть сходства со вступленіемъ въ нашихъ договорахъ. Какъ тѣ, такъ и другія состоятъ въ поименованіи Византійскихъ Императоровъ съ ихъ титулами, строго соразмѣряемыми со степенью власти тѣхъ владѣтельныхъ лицъ, къ которымъ грамоты назначаются, и въ поименованіи иноземныхъ Государей. Различіе состоитъ только въ томъ, что у насъ поименованы сначала, какъ и должно ожидать, послы, уполномоченные для заключенія мира, за ними Князья Русскіе, отъ которыхъ они посланы, и потомъ

уже Византійскіе Императоры съ ихъ титулами. Вотъ форма грамоты къ Русскому Великому Князю: «Γράμμα-
τα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστου βασιλέων
πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας» ¹⁾. Она имѣетъ особенное сход-
ство съ заглавіемъ Игоровой грамоты: «равно другаго
свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ, и Костянтинѣ, и
Стефанѣ, христолубивыхъ владыкъ», съ тѣмъ только раз-
личіемъ, что въ немъ слово γράμματα, согласно съ ха-
рактеромъ самаго акта, замѣнено словами: списокъ съ
другой договорной грамоты (= равно другаго свѣщанья).
Впрочемъ, должно замѣтить, что грамоты о которыхъ упо-
минаетъ Константинъ Багрянородный, принадлежатъ къ
числу обыкновенныхъ, употреблявшихся въ частыхъ сно-
шеніяхъ съ иноземными Государями. Форма же нашихъ
договоровъ, по причинѣ ихъ особенной дипломатической
важности, конечно, имѣла болѣе болѣе торже-
ственный видъ, что дѣйствительно и находимъ въ дошед-
шихъ до насъ ихъ спискахъ. При томъ затруднительное
положеніе, въ какое привелъ Византійскихъ Императо-
ровъ побѣдоносный Олегъ, могло внушить имъ опасеніе
за будущее спокойствіе Имперіи, что также могло отра-
зиться въ формѣ договоровъ. Во всякомъ случаѣ никакъ
нельзя отрицать сходства въ общихъ чертахъ между за-
главіями грамотъ, приводимыми Константиномъ, и нашихъ
грамотъ ²⁾. Приведемъ здѣсь также хотя одно мѣсто изъ
исторіи Теофилакта Симокатты, Визант. писателя конца
VI и начала VII вѣка, который въ своемъ сочиненіи по-
мѣстилъ нѣсколько писемъ Персидскаго царя Хозроя къ
Визант. Императору и его полководцамъ, записанныхъ

¹⁾ Cerem. II. 691.

²⁾ Весьма замѣчательно заглавіе грамоты къ Королю (ρῆξι)
Французскому: «ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου
πνεύματος, τοῦ ἐνὸς καὶ μόνου ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν», которымъ мож-
но объяснить слѣд. выраженіе, находящееся въ заключеніи Оле-
гова договора: «святою единосущною троичею, единого истин-
наго бога нашего».

слово въ слово, какъ онъ самъ о томъ говорить неоднократно ¹⁾. Точно такъ же, какъ и въ грамотахъ, исчисляемыхъ Константиномъ, Царь Персидскій, въ письмѣ своемъ къ Императору, прежде помѣщаетъ свое имя, потомъ имя Визант. Императора съ его титуломъ, изукрашеннымъ по Восточному обычаю. Послѣ такого начала онъ дѣлаетъ переходъ къ самому содержанію въ слѣд. словахъ: καὶ ἔστι λαβεῖν τὴν τῶν πραγμάτων ἀκολουθίαν τοῖς ἡμετέροις ῥήμασι συμφωνοῦσαν. ἐπεὶ τοῖον и т. д. ²⁾. Не тоже ли самое находимъ мы и въ договорахъ, особенно въ Олеговомъ? Послѣ поименованія пословъ, Государей, отъ которыхъ и къ которымъ они посланы, мы видимъ въ послѣднемъ такой же переходъ къ статьямъ: «суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, главы таковыя. По первому убо слову» и т. д. Подобное же тому видимъ въ посланіи Юстиніана Великаго къ пятому Вселенскому собору, сохраненномъ Георгіемъ Кедриномъ. Прежде излагается общая мысль о цѣли посланія (сохранить тишину въ церкви), какъ у насъ о цѣли посольства (на удержаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю Христіяны и Русью бывшую любовь), затѣмъ слѣдуетъ изложеніе причины (происшедшіе безпорядки въ церкви), которая, хотя кратко, упоминается въ нашихъ договорахъ (не прочность прежнихъ словесныхъ догово-

¹⁾ οἶμαι οὐκ ἀναξιώλογον καὶ αὐτὴν τὴν συνθήκην προθεῖναι τῆς λέξεως (ad verbum) p. 175; или: «ἐπὶ λέξεως γὰρ προθήσω τὴν πρέσβευσιν ἀκαλλώπιστον φράσεως ὅπως τῇ ἀραδίᾳ τῆς λέξεως τὸν νοῦν τῆς ἀξιώσεως ἀνετίπλαστον ἐνοπτρισόμεθα». Р. 180. Онъ имѣлъ полную возможность соблюдать такую точность въ записываніи официальныхъ документовъ, потому что самъ принадлежалъ къ числу высшихъ правительственныхъ лицъ того времени. Фотійъ называетъ его ἀπὸ ἐπαρχῶν и ἀντιγραφεὺς (ex praefectus и scripturarius, какъ переводить эти выраженія Понтанъ). См. Pontani praef. ad Theophyl. Р. XI. Эта дипломатическая точность въ сохраненіи современныхъ ему памятниковъ и побудила насъ обратить на нихъ вниманіе.

²⁾ Theophyl. Р. 180.

ровъ), послѣ чего переходъ къ самому дѣлу—*δέιν ὡήθημεν*, совершенно соотвѣтствующій нашему: «многожды право судихомъ», и наконецъ изложеніе самаго дѣла ¹⁾). Въ посланіи Св. Кирилла къ тому же Императору: *ἐπεὶ δὴ περ ἐπορθήμεν... δέιν ὡήθημεν ὀλίγα περὶ τούτου προς αὐτοὺς λέγειν* и проч. (р. 665). Приведемъ еще одинъ примѣръ изъ хроники Іоанна Малалы. Въ одномъ сохраненномъ имъ прошеніи находимъ прежде поименованіе Царя съ его титуломъ и просительницы, потомъ общую мысль, въ которой послѣдняя, восхваляя правосудіе и человеколюбіе Царя, выражаетъ надежду получить просимое. Этой мысли въ нашихъ договорахъ можетъ соотвѣтствовать клятва Русскихъ и Грековъ, скрѣплявшая заключенный между ними миръ. За нею слѣдуетъ переходъ къ содержанію прошенія (*τὴς δὲ ἣ τοῦ παρόντος προομίου χρητὶς προῖων ὁ λόγος σὲ διδάξει*), совершенно соотвѣтствующій вышеупомянутому переходу въ Олеговомъ договорѣ, а равно и общеупотребительному въ современныхъ намъ прошеніяхъ (а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты) ²⁾). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что внѣшняя форма, въ какую облекали Греки различные акты, имѣвшие оффиціальное значеніе, сходна съ формою договоровъ, а потому мы ими и ограничимся, не имѣя возможности сравнить въ этомъ отношеніи договорныя грамоты съ однородными имъ актами.

При внимательномъ разсмотрѣніи внѣшней формы договоровъ, нельзя не замѣтить слѣдующаго обстоятельства, обнаруживающаго самый способъ ихъ заготовленія: не смотря на то, что Греки имѣли дѣло съ Руссами—язычниками, въ грамотахъ, отправленныхъ къ Русскимъ князьямъ, къ удивленію, видимъ смѣшеніе языческихъ понятій съ Христіанскими. Особенно это замѣтно въ Олеговомъ договорѣ, въ которомъ Русскіе являются предписывающими условія: въ немъ послы, безъ сомнѣнія, языч-

¹⁾ Georg. Cedren. p. 660.

²⁾ Joan. Malal. p. 237—239.

ники, скрѣпляютъ всѣ свои обѣщанія именемъ Бога Христіанскаго: «наша свѣтлость болѣ инѣхъ хотящихъ же о *Бозѣ* (Греч. ἐν Θεῷ или сὺν Θεῷ) удержати; суть, яко понеже мы ся имали о *божїи вѣрѣ и любви*». Еще замѣтнѣе это смѣшеніе понятій въ заключеніи того же договора: «сѣ створихомъ (миръ)... подлежащимъ честнымъ крестомъ и святою единосущною Троицею, единого истиннаго Бога... мы же кляхомся къ царю вашему, *иже отъ Бога суще яко божїе зданіе*»... Замѣчательно также, что именно въ Олеговомъ договорѣ, отличающемся наибольшею офіціальною, заключенномъ при обстоятельствахъ наиболѣе благопріятныхъ, Христіанскія понятія господствуютъ во вступленіи и заключеніи, между тѣмъ какъ въ Игоревомъ, хотя и весьма замѣтно тоже смѣшеніе понятій, по крайней мѣрѣ вездѣ отличены крестившіеся Руссы отъ язычниковъ. Такъ клятва въ охраненіи мира раздѣлена на двѣ половины: въ одной Русскіе Христіане изрекаютъ на себя *мestъ отъ Бога Вседержителя*, въ другой Руссы — язычники подвергаютъ себя карѣ Перуна. Еще болѣе рѣзкое отдѣленіе Христіанъ отъ язычниковъ въ заключеніи, гдѣ упоминается церковь Св. Іліи и излагается самая форма клятвы язычниковъ: «а некрещеная Русь полагають щиты своя и мечѣ свои наги, обручѣ свои и прочая оружья». Съ другой стороны въ Игоревомъ договорѣ даже отвлеченное понятіе — *раздоръ, размирѣе* метафорически выражено словомъ *дьяволъ*, — и при томъ отъ лица Игоря и другихъ князей Русскихъ: «и отъ *тѣхъ* заповѣдано обновити ветхій миръ, ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола разорити отъ многъ лѣтъ». Святославовъ договоръ, не смотря на его краткость, послѣдовательнѣе въ этомъ отношеніи, что, вѣроятно, должно объяснять какъ присутствіемъ самого Святослава въ Греціи во время заключенія договора, такъ и его особенною преданностію язычеству. Въ немъ клятва выражена чрезвычайно просто и совершенно въ языческомъ духѣ: «да имѣмъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и Волоса

скотья бога» и т. д. — Это смѣшеніе Христіанскихъ понятій съ языческими мы объясняемъ себѣ слѣдующимъ образомъ, и наше объясненіе, какъ увидимъ ниже, подтверждается другими соображеніями касательно языка договоровъ. Прежде приготовляемъ былъ одинъ экземпляръ грамоты, который потомъ переводили на Русскій языкъ, при чемъ, конечно, должно было измѣнить внѣшнюю форму, потому что Греческая грамота составлена была отъ имени Императоровъ и его подданныхъ, а Русская — отъ имени В. Князя Русскаго и его подданныхъ. Съ этихъ двухъ экземпляровъ заготавливались послѣ особые списки, о которыхъ упоминаетъ Менаандръ. Таковъ способъ заготовленія договорныхъ грамотъ, существовавшій при Византійскомъ дворѣ, засвидѣтельствованный туземнымъ писателемъ и весьма просто открываемый изъ разсмотрѣнія внѣшней формы нашихъ договоровъ. Но упомянутое измѣненіе формы для Русскихъ экземпляровъ не отличалось точностію, необходимою, повидимому, въ столь важномъ дипломатическомъ актѣ. Неточность эта особенно поразительна въ Игоревомъ договорѣ, въ которомъ вводятся говорящими Русскіе послы только во вступленіи и заключеніи, между тѣмъ какъ въ самыхъ статьяхъ являются предписывающими Греки, такъ что весь договоръ представляется механически составленнымъ изъ трехъ различныхъ частей, о связи между которыми, повидимому, никто не заботился. Должно полагать, что главный экземпляръ съ Русскимъ переводомъ, *magis authentica tabula*, какъ говоритъ Менаандръ ¹⁾, не заключала въ себѣ по крайней мѣрѣ столь рѣзкой неточности и непоследовательности, потому что на него, безъ сомнѣнія, было обращено болѣе вниманія. Тѣ же договорныя грамоты, которыя записаны въ лѣтописи Нестора, были, вѣроятно, второстепенные списки, въ которыхъ главнымъ образомъ смотрѣли на самыя статьи и на точность ихъ перевода, а не на внѣшнюю форму, не на

¹⁾ Эвер. Древ. Р. Прав. стр. 148.

вступленіе и заключеніе, которыя, вѣроятно, наскоро и небрежно переписывались съ главнаго Русскаго экземпляра грамоты. Такъ можно объяснять смѣшеніе Христіанскихъ понятій съ языческими, находящееся въ началѣ и въ концѣ договоровъ.

II.

О византійскомъ вліяніи на построеніе періодовъ.

Признавая неоспоримымъ переводъ договоровъ съ Византійскаго подлинника, мы вмѣстѣ убѣждены, что Византійское вліяніе преимущественно отразилось на ихъ синтаксисѣ. Не затрудняясь нисколько формами языка ему роднаго, переводчикъ долженъ былъ встрѣчать не малое затрудненіе въ передачѣ устройства самой рѣчи, ея склада, теченія, особенно когда она рѣзко отличалась отъ роднаго ему говора. Если бы даже онъ съ усердіемъ заботился о безукоризненной чистотѣ своего языка, если бы и находилъ въ себѣ довольно къ тому силы и готовности, то и тогда не могъ бы не измѣнить себѣ, не могъ бы не внести въ свою рѣчь чужеземнаго элемента, который болѣе всего отразится на органическомъ устройствѣ рѣчи. И въ современныхъ намъ переводахъ не трудно построить рѣчи открыть слѣды языка подлинника, не смотря на ясное сознаніе всѣхъ условій перевода, на готовность къ нему переводчиковъ. Явленіе понятное: основные законы мышленія у всѣхъ народовъ одни и тѣ же и выражаются одинаково въ общихъ категоріяхъ, но различная историческая судьба, различныя климатическія условія и множество самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ кладутъ на ихъ мышленіе особый отпечатокъ, который и проявляется преимущественно въ синтаксическихъ особенностяхъ. Открыть и усвоить себѣ съ непогрѣшительною точностью всѣ характеристическія черты синтаксиса

своего языка и иноземнаго, исключить послѣднія и замѣнить первыми — дѣло ума проникательнаго и высоко образованнаго, которымъ вовсе не отличались наши старинные переводчики. Другое дѣло съ формами: ихъ можно употреблять правильно при переводѣ и не на родной языкъ: изучивъ систему словоизмѣненія обоихъ языковъ, переводчикъ по отношенію къ ней можетъ не сдѣлать ни одной ошибки въ самомъ обширномъ переводѣ. Мы можемъ воображать, что въ совершенствѣ говоримъ и пишемъ на Латинскомъ языкѣ, непогрѣшительно употребляя формы Латинскихъ словъ и строго соблюдая общія синтаксическія правила, но такое воображеніе равняется заблужденію, потому что въ нашей мнимо-Латинской рѣчи, въ нашемъ мнимо-Латинскомъ письмѣ по большей части именно и недостаетъ того, что составляетъ душу, личность истинно-Латинской рѣчи. Какъ нѣтъ человѣка безъ личности, такъ и языкъ безъ нея мечта, плодъ ослѣпленія, которое рано или поздно должно исчезнуть, какъ и всякое заблужденіе. И такъ мы можемъ усвоить себѣ формы чужаго языка и вполнѣ сохранить ихъ въ переводѣ; но это усвоеніе вовсе не ручается за точное и полное усвоеніе всѣхъ его синтаксическихъ особенностей. Въ частности это вліяніе чужеземнаго языка въ переводѣ можетъ обнаружиться: 1) въ общемъ построеніи періодовъ, т. е. въ обиліи и самомъ способѣ размѣщенія входящихъ въ нихъ предложеній, а равно и въ размѣщеніи составныхъ частей этихъ послѣднихъ, 2) въ словосочиненіи и рѣже въ словоуправленіи. Въ этомъ порядкѣ мы постараемся показать Византійское вліяніе на устройство рѣчи въ нашихъ договорахъ, избѣгая сколько возможно отдаленныхъ и неправдоподобныхъ сближеній. Для большей же полноты обзрѣнія мы иногда позволимъ себѣ приводить здѣсь и такія особенности, которыя не подають повода къ сближенію ихъ съ Византійскими, или которыя, при всемъ сходствѣ ихъ съ послѣдними, оправдываются употребленіемъ въ самобытныхъ памятникахъ древнѣйшей нашей письменности.

Разсмотрѣніе всѣхъ договоровъ вообще и каждаго въ отдѣльности, по отношенію къ общему построенію періодовъ, прежде всего открываетъ слѣдующее замѣчательное явленіе: не только въ каждомъ договорѣ, но и въ разныхъ мѣстахъ одного и того же договора мы видимъ различный характеръ въ устройствѣ періодовъ. Такъ въ Олеговомъ болѣе господствуетъ періодическая рѣчь, нежели въ Игоревомъ и Святославовомъ. Несомнительно также, что всѣ наши договоры, особенно первый и второй, какъ отличающіеся большею полнотою, состоятъ изъ трехъ различныхъ частей: вступленія, самыхъ статей и заключенія. Въ первомъ и послѣднемъ господствуетъ по преимуществу періодическая рѣчь, облеченная въ строго дипломатическую форму, большею частию искусственная, ясно и несомнѣнно свидѣтельствующая о чужеземномъ своемъ происхожденіи, между тѣмъ какъ изложеніе самыхъ условій отличается краткостію предложеній, простотою и естественностію рѣчи, какая существуетъ въ чисто своеземныхъ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ. Нельзя не удивляться, когда послѣ длинныхъ, искусственно построенныхъ періодовъ вступленія и заключенія, въ которыхъ только при особенномъ усилии открываешь истинный смыслъ, переходишь къ чтенію самыхъ статей, гдѣ все ясно, выражено просто, опредѣленно и кратко, исключая, конечно, тѣ мѣста, смыслъ которыхъ затемненъ или неточностію переводчика, или ошибками позднѣйшихъ переписчиковъ. При этомъ должно помнить, что темнота, искусственность, періодичность рѣчи господствуютъ болѣе въ Олеговомъ, чѣмъ Игоревомъ и Святославовомъ договорахъ.

Наклонность къ длиннымъ періодамъ, со множествомъ придаточныхъ и вводныхъ предложеній, искусственное размѣщеніе послѣднихъ составляютъ главную характеристическую черту наибольшей части произведеній средневѣковыхъ Византійскихъ писателей. Весьма немногіе, какъ напр. авторъ сочиненія: *περὶ παραδρομῆς πολέμου* (de ve-

lit. bell.), устояли противъ общаго увлеченія ¹⁾. Это явленіе неизбежно въ литературѣ подражательной, какою дѣйствительно была въ то время Византійская. Стараясь подражать или классическимъ Греческимъ писателямъ, или казавшимся наиболѣе усвоившими ихъ слогъ, Византійскіе писатели впадали въ искусственно-періодическую рѣчь, которую испещряли неумѣстными риторическими украшеніями и тѣмъ часто придавали ей ложно-торжественный, напыщенный характеръ. Всѣ эти недостатки имѣли, конечно, различныя степени, смотря по способностямъ писателей и по времени ихъ жизни, такъ что чѣмъ болѣе мы углубляемся въ средніе вѣка, тѣмъ поразительнѣйшею представляется порча Греческаго языка, нѣкогда столь прекраснаго, и произведенія послѣднихъ временъ Византійской Имперіи отличаются крайне безобразнымъ и безпорядочнымъ языкомъ ²⁾. Но уже и въ X вѣкѣ эта порча глубоко проникла въ Византійскій языкъ какъ во внѣшнемъ отношеніи, истребивъ и перемѣшавъ многія формы, такъ и по отношенію къ его внутреннему синтаксическому устройству ³⁾. Такъ языкъ Константина Ба-

¹⁾ Hujus autem auctoris, quisquis fuit, dicendi genus caret omnibus ornamentis, horridiusque est ac prae fractius. Vol. XI. Hasiі praef. pag. XXIV. Вообще я пользовался Боннскимъ изданіемъ Византійскихъ писателей.

²⁾ Postremis potissimum saeculis, in quibus, quicquid hactenus supererat Graecanicae eruditionis, evanuerat omnino. Ducangii praef. ad Glos. pag. V. edit. Lugdun. 1688.

³⁾ Сюда же должно отнести и множество Латинскихъ словъ и выраженій, вторгшихся въ Византійскій языкъ, напр. *πραιδεῖν* — *praedari*; *κομμερκεῖν* (Georg. Mon. 853. 9), *μολτεῖν* (Sym. Mag. 622. 3), *κώδιξ*, *βίγλα*, *ἐξκούβιτα*. *ἄριλα* (= *arcula*), *παλλακὴ* и пр. — Подражаніе Латинскому языку было и въ другомъ родѣ: придаваемы были Греческимъ словамъ особаго значенія по сходству значеній въ тѣхъ же словахъ на Латинскомъ языкѣ, напр. Латинское *arrisit* употреблялось въ смыслѣ *placuit*, а потому Греки не замедлили придать то же значеніе и своему глаголу *ἐπιγελάω*. Reiskii comment. ad cerem. p. 445.

грияроднаго испещренъ барбаризмами, безобразными формами и неправильностями въ синтаксическомъ отношеніи. Не менѣ замѣтно въ его сочиненіяхъ безпорядочное размѣщеніе предложеній и частей этихъ послѣднихъ. Тѣми же недостатками страдаетъ и другой писатель X вѣка — Левъ Діаконъ. Не могу не привести здѣсь слѣдующихъ словъ ученаго Газе, потому что онъ ими характеризуетъ вмѣстѣ и современный Льву Діакону Византійскій языкъ, «*accedit, ut Leonis aetas eloquentiam poneret in florida, ut ita dicam, oratione: cum magnam se quisque in dicendo laudem adeptum putaret, si multa acervatim complexus ornamenta poëticae dictionis accumulatione grandioribus verbis et duris, ne ineptis dicam, metaphoris esset usus*» ¹⁾, и далѣ говоритъ, что этими недостатками отличается и языкъ Льва Діакона, хотя не въ такой степени, какъ языкъ напр. Теофилакта Симокаты, Никиты Хониата и другихъ. Другой недостатокъ того же писателя, продолжаетъ Газе, есть «*vana synonymorum accumulatio*» и по этому поводу говоритъ: «*nam ante (т. е. до время Палеологовъ, куда слѣд. относится и X вѣкъ), veluti emortua lingua, sibi ipsi diffidebant fere omnes, et erant tanquam anniculi infantes, qui nonnisi in curriculo, aut praeunte duce inambulant... neque alio pacto Leo egit*» ²⁾. У нѣкоторыхъ же Византійскихъ писателей, напр. Никиты Хониата, Георгія Пахимера, Теофана — напыщенность, длиннота искусственно построенныхъ періодовъ, реторизмъ доходятъ часто до крайности, такъ что издатель послѣдняго (Ioannes Classenus) говоритъ: «*cui tamen parcius indulsi, haud ignarus in tali scriptore noque sermonis puritatem neque concinnitatem sententiarum esse quaerendam*» ³⁾. Такова въ общихъ чертахъ характеристика Византійскихъ писателей X вѣка.

¹⁾ Hasii ad L. Diac. Hist. p. XIX.

²⁾ Hasii praef. ad L. Diac. Hist. p. XX. Cf. ejus annott. ad L. Diac. p. 407 etc.

³⁾ Praef. ad Theoph. p. VIII.

Если же искусственно-периодическая рѣчь была господствующею въ произведеніяхъ историческихъ писателей, то тѣмъ болѣе должно ожидать ее въ актахъ юридическихъ и дипломатическихъ, какъ потому, что произведенія этого рода всегда и вездѣ, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ для литературы, отличаются длиннотою періодовъ, облеченныхъ въ строгую искусственную форму, такъ въ особенности по состоянію юридическаго и дипломатическаго языка въ Византійской Имперіи. Дѣйствительно, съ первыхъ временъ самостоятельнаго существованія Византійской Имперіи всѣ правительственные акты писаны были на Латинскомъ языкѣ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и господствующимъ разговорнымъ языкомъ не только въ высшемъ, но и въ среднемъ слояхъ общества и почитался благороднымъ, между тѣмъ какъ Греческій — языкомъ черни. Но такъ какъ эта послѣдняя, составлявшая многочисленнѣйшую часть народонаселенія Имперіи, не понимала писанныхъ для нея на Латинскомъ языкѣ законовъ, которые потому не достигали своей цѣли, то правительство нашло себя вынужденнымъ писать всѣ правительственныя распоряженія на языкѣ Греческомъ. Эта благопріятная перемена произошла не ранѣе, какъ въ царствованіе Юстиніана Великаго, болѣе всѣхъ предшественниковъ понимавшаго нужды своего государства. Въ одной изъ своихъ новеллъ Императоръ такъ говоритъ объ этомъ нововведеніи: «*διόπερ αὐτὴν (Νεαρὰν) καὶ προουθήκαμεν καὶ οὐ τῇ πατρίῳ φωνῇ τὸν νόμον συνεγράψαμεν, ἀλλὰ ταύτῃ τῇ κοινῇ τε καὶ Ἑλλάδι* ¹⁾», ὥς ἐ ἀπαντὶ εἶναι αὐτὸν γνώριμον διὰ τὸ πρόχειρον τῆς ἐρμηνείας» ²⁾. И легко можно себѣ представить, каковъ былъ этотъ Греческій языкъ, волею великаго Императора ставшій теперь правительственнымъ. Съ одной стороны въ немъ еще не выработалось множество

¹⁾ Даже въ этомъ выраженіи замѣтно презрѣніе къ общенародному языку.

²⁾ Nov. VII. Cap. I.

понятій юридическихъ, не было формъ для выраженія разнообразныхъ юридическихъ отношеній, между тѣмъ какъ съ другой стороны Римское право, въ высокой степени развитое по содержанію, имѣло и языкъ въ совершенствѣ приспособленный къ выраженію тончайшихъ отѣнковъ юридическихъ понятій и самыхъ многосложныхъ отношеній. А потому весьма естественно, что не только отдѣльныя понятія, формы, но и цѣлыя выраженія почти буквально заимствуемы были изъ языка Латинскаго и крайне испещряли и безобразили Греческій ¹⁾. Отъ того нисколько не удивительно, что почти въ современныхъ договорамъ Византійскихъ законахъ находимъ слѣдующій языкъ: εἶρηται δὲ ὅτι, ἐὰν τις μὴ ἀναγκαζόμενος δεφενδεῦσαι τινα παράσχη τὴν ἰουδικάτον σόλουι, καὶ ἐξ εὐλόγου αἰτίας τὴν δεφενσίονα παραιτήσεται οὐδὲ ἢ ἐκ στυπούλατου κομμιτεύσεται ²⁾, или напр.: ἀναιροῦσι δὲ ὑφ' οἰοῦρε τὴν διὰ πάκτου ἀναιρεθεῖσαν ἀγωγὴν οἷον τὴν φορρι καὶ τὴν δίκην ἰκουργίᾶς ³⁾, гдѣ на половину словъ Греческихъ и Латинскихъ. Таковъ былъ правительственный Византійскій языкъ въ то время, когда составлялись наши договоры. На немъ, или на подобномъ ему, безъ всякаго сомнѣнія, они и были составлены. И чѣмъ важнѣе былъ актъ, какъ справедливо замѣчаетъ Дюканжъ, тѣмъ болѣе входило въ него распространеній, имѣвшихъ цѣлюю пояснить смыслъ, а потому тѣмъ болѣе онъ представлялъ запутанности и безпорядочности въ ходѣ и раз-

¹⁾ Verum graecae istae Constantinopolitanorum Augustorum constitutiones, ita describi non potuere, quin in iis subinde insererentur formulae Romanis jurisconsultis familiares, ut et formalia quae vocant verba, vocibus Latinis vel in Graecam enuntiationem deflexis ac detortis exararentur: cum has haud promptum esset mutare, vel in puriorem Graecum sermonem convertere, nisi prolixiori aliquo verborum ambitu, qui in praecipui momenti decreta nescio quid ingessisset obscuri et dubii! Ducangii praef. ad Glos. pag. XII.

²⁾ Basilic. Lib. I, 399.

³⁾ Ibid. pag. 558.

витіи мысли. Эту-то запутанность и беспорядочность мы дѣйствительно и находимъ въ нашихъ договорахъ. Изъ предложеннаго краткаго очерка состоянія въ X вѣкѣ языка исторической Византійской литературы и юридическаго видно, что языкъ договоровъ могъ быть только искусственнымъ, что рѣчь ихъ могла быть только искусственно-періодическою, съ разными распространеніями и поясненіями, еще болѣе затемнявшими смыслъ. Постараемся подтвердить свое положеніе примѣрами, заимствованными изъ договоровъ, преимущественно изъ ихъ вступленія и заключенія, при чемъ будемъ слѣдовать указанному выше порядку, т. е. укажемъ сначала на способъ размѣщенія частей, составляющихъ эти послѣднія.

Первый періодъ Олегова договора есть общая начальная формула дипломатическаго документа, состоящая въ поименованіи лицъ, между которыми договоръ заключается, лицъ, къ тому уполномоченныхъ, и цѣли его заключенія. Но и въ немъ замѣтна беспорядочность въ размѣщеніи составляющихъ его предложений, а именно: между поименованіемъ пословъ и тѣхъ, отъ кого они посланы, вставлено поименованіе Византійскихъ Императоровъ и указаніе цѣли посольства, такъ что сначала затруднилась, къ чему должно относить выраженіе: «похотѣньемъ нашихъ Князь и по повелѣнію» и только послѣ внимательнаго разсмотрѣнія всего періода замѣчаешь тѣсную связь между нимъ и мыслию, раздѣленною отъ него двумя предложеніями. При этомъ возможно предположеніе, что упомянутое выраженіе, а равно и слѣдующее за нимъ принадлежать къ числу столь употребительныхъ на современномъ договорамъ Византійскомъ юридическомъ языкѣ распространеній и поясненій, что между прочимъ подтверждается и разногласіемъ въ конструкціи: «*иже послани отъ Ома... похотѣньемъ... и по повелѣнію*». По отношенію къ размѣщенію составныхъ частей отдѣльныхъ предложений мы замѣчаемъ слѣдующее: а) слишкомъ отдаленное положеніе винительнаго падежа *любовь* отъ его прямого управленія: «на удержаніе и на извѣ-

щеніе»; между тѣмъ и другимъ помѣщено многословное опредѣленіе слова *любовь*. б) Отдѣленіе существительнаго, посредствомъ придаточнаго предложенія, отъ опредѣляющаго его прилагательнаго: «и *отъ всѣхъ*, иже суть подъ рукою его сущихъ *Руси*» ¹⁾. Въ слѣдующемъ періодѣ въ первомъ отношеніи замѣчаемъ вставку придаточныхъ предложеній между подлежащимъ (наша свѣтлость) и сказуемымъ (судихомъ), а во второмъ — вставку придаточнаго предложенія (кленшеся оружіемъ своимъ) и дополненія (и писаніемъ и клятвою твердою) между сказуемымъ и глаголомъ, непосредственно отъ него зависящимъ (судихомъ извѣстити). Впрочемъ предложеніе: «кленшеся оружіемъ своимъ» представляется также распространеніемъ въ родѣ вышеупомянутаго какъ потому, что оно дѣйствительно есть только распространеніе слова *клятва*, такъ и по неестественности положенія дополнительныхъ къ глаголу *извѣстити* словъ: «и писаніемъ и клятвою твердою». То же самое явленіе видимъ и въ слѣдующемъ предложеніи: «суть, яко понеже мы ся имали о Божіи вѣрѣ и любви, главы таковыя». Вторую же часть слѣдующаго за тѣмъ періода мы читаемъ такъ: «и не вѣдимъ, елико наше изволеніе, быти... никакому же съблазну или винѣ», т. е. «и не позволимъ, сколько то въ нашей волѣ, быть какому либо соблазну или видѣ». Такое чтеніе основывается во первыхъ на томъ, что всякое другое не даетъ никакого смысла: какъ должно понимать слова: «елико наше изволеніе быти отъ сущихъ подъ рукою нашихъ Князь свѣтлыхъ». Во-вторыхъ тогда вся эта мысль: «и не вѣдимъ, елико наше изволеніе, быти» и т. д. будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ слѣдующею за нею: «но потщимся, елико по силѣ, на сохраненіе» и т. д. А здѣсь это соотвѣтствіе весьма важно, потому что въ

¹⁾ Извѣстно, что слово *Русь* въ договорахъ всегда употребляется какъ собирательное, съ опредѣленіями и глаголомъ во множественномъ числѣ. Оно есть переводъ неизмѣняющагося на Византійскомъ языкѣ *οἱ Ῥῶς*.

этихъ двухъ мысляхъ, какъ видно, заключается реторическая фигура (противоположеніе), которая, по правиламъ реторики, предполагаетъ его для правильности своего построения. Къ тому же присутствіе реторической фигуры согласно съ господствующимъ въ договорахъ характеромъ рѣчи. Въ-третьихъ можно присовокупить и то, что въ первомъ случаѣ существительное *изволеніе* употреблено безъ всякаго управленія, а потому послѣдовательнѣе было бы и въ другомъ допустить то же употребленіе. Допустивъ такое чтеніе, мы замѣчаемъ тѣ же условія въ построеніи періодовъ, т. е. а) вставку вводныхъ предложеній (*елико наше изволеніе* и *елико по силѣ*) и б) помѣщенное впереди многословное опредѣленіе слова *любовь* (исповѣданіемъ и написаніемъ съ клятвою извѣщаемую любовь). Что же касается до прилагательныхъ, заключающихъ періодъ, то мы признаемъ ихъ непосредственнымъ дополненіемъ выраженія: «на сохраненіе», такъ что смыслъ этого мѣста слѣдующій: «но постараемся сохранить непревратною и непостыдною любовь, извѣщаемую» и т. д. Въ такомъ случаѣ мы должны сдѣлать третье замѣчаніе, касательно безпорядочнаго помѣщенія дополненія, чрезвычайно отдаленнаго отъ слова, къ которому оно относится. То же должно замѣтить и о дополнительныхъ къ слову *любовь* прилагательныхъ: «несблзнену и непреложну» въ слѣдующемъ періодѣ, гдѣ кромѣ того нельзя не обратить вниманія на совершенно оторванное отъ глагола *храните* дополненіе: «всегда и во вся лѣта», помѣщенное въ самомъ концѣ періода.

Въ заключеніи Олегова договора видимъ тѣ же явленія. Въ первомъ періодѣ выраженіе: «бывшій миръ» отдѣлено отъ существительныхъ: «утвержденіе и неподвиженіе», къ которымъ оно непосредственно относится, словами: «межи вами хрестьяны и Русью». Равнымъ образомъ глаголь: «сѣстворихомъ», согласно съ принятымъ нами чтеніемъ, отдѣленъ отъ непосредственно отъ него зависящаго выраженія. «извѣсти и дать нашимъ словомъ» цѣлою вереницею дополненій. Точно также въ

слѣд. періодъ главное предложеніе: «мы же кляхомся къ царю вашему... не переступати...» раздѣлено на двѣ половины придаточнымъ предложеніемъ: «иже отъ бога суще». Въ заключительной же мысли договора выраженіе: «на утверженіе обоему пребывать таковому свѣщанію, на утверженіе и извѣщеніе межи вами бывающаго мира», какъ официальное и неоднократно въ однихъ и тѣхъ же словахъ повторяющееся, не имѣетъ органической связи съ главною мыслию и какъ бы механически вставлено въ послѣднюю, такъ что это окончаніе есть ничто иное, какъ обозначеніе времени составленія договора (*datum*), въ родѣ того, какое мы видимъ въ современныхъ намъ актахъ, манифестахъ и проч. (данъ царства нашего въ такое то лѣто).

Совсѣмъ другой характеръ въ построеніи періодовъ господствуетъ въ самыхъ договорныхъ статьяхъ. Составленные изъ краткихъ предложеній, большею частію изъ двухъ, они отличаются неизмѣннымъ однообразіемъ, почему мы и не разсматриваемъ ихъ здѣсь отдѣльно. Изъ всѣхъ статей Олегова договора можно привести здѣсь развѣ слѣдующую: «аще украдетъ Русинъ что любо у Христьянина или паки Христьянинъ у Русина, и ять будетъ въ томъ часѣ тать, егда татьбу створить, отъ погубившаго что-любо, аще приготовится, татьбу творай и убіенъ будетъ», гдѣ замѣчательно между прочимъ помѣщеніе подлежащаго на концѣ. Во всѣхъ же прочихъ статьяхъ послѣдовательность предложеній, а равно и размѣщеніе частей предложенія по большей части естественны, безъ признаковъ замѣченнаго безпорядка.

Въ чемъ же состоятъ существенныя черты построенія періодовъ въ Олеговомъ договорѣ? — Общая характеристическая черта — періодичность рѣчи, облеченной въ искусственную официальную форму. Въ частности эти черты могутъ быть выражены такъ: 1) различныя части главныхъ предложеній, непосредственно одна отъ другой зависящія, раздѣляются придаточными и вводными предложеніями, и при томъ такъ неестественно, что часто те-

ряется связь между раздѣленными частями; 2) слишкомъ отдѣленное помѣщеніе опредѣленій и дополненій отъ тѣхъ словъ, которыя онѣ опредѣляютъ и дополняютъ, при чемъ, какъ и въ первомъ случаѣ, отдѣленіе бываетъ такъ естественно, что иногда трудно показать, къ чему относится то или другое опредѣленіе или дополненіе. Понятно, что обѣ эти черты суть очевидные признаки искусственнаго построенія рѣчи, въ которой, вслѣдствіе испорченнаго вкуса писателей и ложно понятой мысли о важности и торжественности, безпорядочно перемѣшаны всѣ части.

Какъ ни мало протекло времени между заключеніемъ Олегова и Игорева договоровъ, тѣмъ не менѣе мы находимъ рѣзкое различіе между ними не только относительно построенія періодовъ, но и всѣхъ синтаксическихъ особенностей. Если въ первомъ, въ его началѣ и концѣ, повсюду видимъ несомнѣнные, осязаемые, такъ сказать, грецизмы, и въ общемъ ходѣ рѣчи, и въ конструкціи, и въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, то въ послѣднемъ грецизмы весьма малочисленны и могутъ быть открыты только при внимательномъ чтеніи именно съ этою цѣлію. Трудно съ достовѣрностію объяснить причину столь рѣзкаго различія, произошло ли оно отъ бѣльшей опытности и искусства переводчика Игорева договора, или, — если признать справедливымъ мнѣніе Эверса, — отъ того, что Олеговъ договоръ былъ полный, составленный со строжайшею формальностію, съ большею заботливостію не только относительно содержанія, но и относительно самой рѣчи, которая потому отличается бѣльшею искусственностію, вводившею въ ошибки неопытнаго переводчика, между тѣмъ какъ Игоревъ договоръ былъ только дополнительный, наскоро составленный, безъ обращенія особеннаго вниманія на полноту и порядокъ статей, на самый языкъ, который оттого и отличается простотою и естественностію, произошло ли оно отъ исправленій позднѣйшихъ переписчиковъ, чему впрочемъ противорѣчатъ рѣзкіе и обильные архаизмы въ языкѣ, или отъ другихъ

неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что если въ Олеговомъ договорѣ встрѣчаются утомительно-длинные періоды, съ беспорядочно разбросанными въ нихъ предложеніями и различными частями этихъ послѣднихъ, то въ Игоревомъ почти повсюду видимъ мысли, просто и кратко выраженные, однимъ, или много двумя—тремя предложеніями, синтаксически правильно построенными. Для точнѣйшаго удостовѣренія достаточно сравнить вступленіе въ томъ и другомъ договорѣ. Такъ въ первомъ, отъ присоединенія къ поименованію Императоровъ, Князя Русскаго и пословъ объясненія цѣли посольства, произошла запутанность, которая еще болѣе увеличилась отъ неестественнаго помѣщенія этого объясненія и отъ повтореній: во второмъ исключено все, что могло затемнить смыслъ; въ немъ заключается только поименованіе пословъ и тѣхъ, отъ кого они посланы, между тѣмъ какъ цѣль посольства выражена отдѣльнымъ предложеніемъ, краткимъ, яснымъ и правильнымъ, хотя и съ легкимъ грецизмомъ. Та же мысль заключается и въ слѣд. предложеніи съ присовокупленіемъ именъ Визант. Императоровъ. Остальная же часть вступленія въ Олеговомъ договорѣ представляетъ болшую полноту и формальность, потому что въ немъ обязанность неизмѣннаго сохраненія мира съ той или другой стороны составляетъ особую статью общаго содержанія, между тѣмъ какъ въ Игоревомъ, въ краткихъ, но рѣзкихъ выраженіяхъ, изрекается только казнь противъ тѣхъ, *кто помыслитъ разрушити такую любовь*. Изъ вышеупомянутыхъ неправильностей относительно общаго построенія періодовъ мы замѣтимъ одну, относящуюся къ размѣщенію составныхъ частей предложенія, и именно въ выраженіи: «и отъ тѣхъ заповѣдано обновити ветхій миръ, ненавидящаго добра и враждолюбца дьявола разорити отъ многъ лѣтъ», гдѣ послѣднія слова, безъ сомнѣнія, относятся къ эпитетамъ дьявола ¹⁾. Святославовъ договоръ

¹⁾ Сюда же должно отнести выраженіе: «аще ли *кто* отъ

въ этомъ отношеніи не подаетъ повода къ особымъ соображеніямъ, какъ состоящій изъ краткихъ увѣреній въ охраненіи мира и одного обязательства, принятаго на себя Святославомъ. — И такъ относительно построенія періодовъ мы открыли въ нашихъ договорахъ, преимущественно въ Олеговомъ, двѣ вышеупомянутыя особенности.

Эти особенности совершенно въ духѣ современнаго договорамъ Визант. краснорѣчія. Для доказательства нѣтъ нужды въ обилии примѣровъ, потому что показанная безпорядочность въ устройствѣ періодовъ господствуетъ не только у такихъ писателей, каковы напр. Θεοφάνης и его продолжатели, но и у писателей, заботившихся о ясности рѣчи, напр. у Константина, Льва Діакона и другихъ. Довольно привести хотя одинъ періодъ, обыкновенно занимающій цѣлую страницу, изъ жизнеописанія Θεοφάνη, чтобы видѣть, какъ имъ однимъ подтверждается господство такой безпорядочности у Визант. писателей. — Что же касается до размѣщенія составныхъ частей отдѣльныхъ предложеній, то и оно въ нашихъ договорахъ совершенно въ Визант. характерѣ. Представимъ нѣсколько примѣровъ. Такъ 1) опредѣленія большею частію отдѣляются отъ опредѣляемыхъ словъ, — явленіе столь обыкновенное въ нашихъ договорахъ: τοὺς ἐιδικισμένους ἀπαίτεῖν ἔλεγον φόρους ¹⁾; или: γεγωνοτέρᾳ, τε χρησάμενος, ἥπερ εἰθιστο φωνῇ ²⁾. Или у Константина: καὶ γὰρ αἱ πολλαὶ τῶν ἀξιωματῶν ἀμαυρωθεῖσαι τῷ χρόνῳ προσκλήσεις, ἀλλὰ μὴν καὶ παῖσαι αἱ μετ' ἐκείνας ἐφευρεθεῖσαι

людей царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ иныхъ городъ, ускочить челядинъ нашъ къ вамъ...» (21). Въ немъ мѣстоименіе *кто* я отношу къ слову *челядинъ*, какъ его опредѣленіе, неестественно помѣщенное, и признаю буквальнымъ переводомъ Греч. *τις*. Въ Визант. подлинникѣ эта мысль могла быть выражена такъ: *εἰ δὲ τις ἀπ' ἀνθρώπων τῆς ἡμετέρας βασιλείας ἢ ἀπὸ τῆς ἡμετέρας πόλεως, ἢ ἀπ' ἄλλων πόλεων ἀποπηδήσῃ δοῦλος ἡμῶν πρὸς ὑμᾶς...*

¹⁾ Leo Diac. IV, p. 61, lin. 13.

²⁾ Ibid. lin. 18.

ἀξιωματῶν σκέπην καὶ ἀντίληψιν εὐρομεν τὴν σὴν ὑψηλὴν καὶ μεγάλην βασιλείαν διαφοραὶ, σύγχυσιν τινα παρειαγούσιν τῆς ἀκριβοῦς αὐτῶν καταλήψεως ¹⁾ У него же: ταῦτα δὲ παντα φυλάττεσθαι τηρεῖσθαι τε καὶ πράττεσθαι καὶ διαμένειν βέβαια ²⁾ и далѣ: καὶ ἐπειδὴ τὴν ἡμετέραν ἀμάθειαν τῆς ἀκριβοῦς τούτων καταλήψεως τὴν συγγραφὴν ἐξηγήσασθε ³⁾ и т. д. Изъ этихъ примѣровъ, а равно изъ соображенія языка Визант. писателей вообще, видно, что подобное размѣщеніе опредѣленій и опредѣляемыхъ, по понятіямъ того времени, составляло красоту рѣчи и было производимо намѣренно.

2) То же самое явленіе замѣчается и по отношенію къ тѣмъ частямъ предложенія, которыя тѣсно связаны между собою непосредственною зависимостію. Раздѣленіе этихъ частей было другою особенностію, характеризующею рѣчь Визант. писателей и почиталось ея украшеніемъ. Такъ существительное обыкновенно отдѣлялось отъ другаго, управляемаго имъ, существительнаго, напр.: εἰς τὰς σκηνὰς χωρῆσαι τῶν πολέμων ⁴⁾; τινὲς ἂν ἔρκει πρὸς ἀποτροπὴν ἐχρήσω τῶν δυσμενῶν ⁵⁾; οὐ μόνον τὰ πρόσσωκα φύλα πέφρικε τῶν ἐθνῶν ⁶⁾; καὶ τοῦ παρακοιμημένου καὶ αὐτὸς ἐπὶ τῶν τοῦ αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου καιρῶν ἐνδιέπρεψεν ἀξιωματι ⁷⁾; πορὶ θεότητος ἐν Ἰωρδάνῃ φλόγα σβεννύει τῆς ἁμαρτίας ⁸⁾ и проч. Видя эту особенность столь господствующею, невольно приводишь себѣ на память извѣстныя выраженія Олегова договора: «на извѣщеніе отъ многихъ лѣтъ межю Христіяны и Русью бывшию любовь»; или: «на сохраненіе прочихъ и всегда лѣтъ съ вами Греки исповѣданіемъ и написаніемъ съ клятвою из-

¹⁾ Cerem. II, p. 684 lin. 11—12.

²⁾ Cerem. II, p. 725 lin. 8—9.

³⁾ Ibid. cf. Theoph. I. p. 1 etc.

⁴⁾ Uelut. bell. XXIV, p. 255 lin. 22.

⁵⁾ Leo Diac. II. p. 57 lin. 17.

⁶⁾ Ibid. III, 37. cf. III, 44.

⁷⁾ Ibid. III, 46 lin. 21.

⁸⁾ Cerem. I, 6. 41. lin. 13—14.

вѣщаему *любовь*»; или: «на утверженіе же и неподвиженіе быти межѣ вами Хрестьяны и Русью *бывшій миръ*». Едва ли кто можетъ отрицать въ приведенныхъ выраженіяхъ ясныя и несомнѣнные слѣды Визант. вліянія, слѣды буквальнаго перевода, рабски копировавшаго подлинникъ ¹⁾. Кто можетъ отрицать, что слѣдующее начало одной изъ статей Игорева договора: «аще *кто* отъ людій царства нашего, ли отъ города нашего, или отъ инѣхъ городѣ, ускочитъ *челядинъ* нашъ къ вамъ» не есть буквальный переводъ съ Визант. подлинника, прочитавъ напр. слѣд. предложеніе: «εἰ δὲ τις ἐκ τῆς ἡμῶν ἀπροσεξίας ἐπισηφαλῆς προσγένεται σύγχυσις τοῖς βασιλικαῖς κλητορίαις» ²⁾? Такихъ примѣровъ можно представить множество. Сюда же относится отдѣленіе глаголовъ отъ управляемыхъ ими существительныхъ и другихъ глаголовъ, напр.: «τὸν μὲν οὖν ἄμαχον κακὸν τοῦ λιμοῦ τῇ σιταγωγίᾳ, ἣν ἐκ τῶν ἀπανταχῇ ἐμπορίων προνοίᾳ διὰ τάχους συνήγαγε, διέλυσε (Leo Diac. VI, 113 lin. 5—7); δεῖ ἡμᾶς ἐν τῇ τοιαύτῃ λαχόντας διακονίας προσοχῇ μελέτης καὶ ἐπιστήμης (Cerem. II. 703. lin. 18); ἄξιον δὲ ἔστιν, καὶ τὴν ἐξαρχῆς τοῦ Θεοῦ εἰς Μαρκιανὸν τὸν βασιλέα ἐκλογὴν σημεῖναι (Theoph. I. 160, lin. 9—10); οὐδεμίαν ἀνάγκην τὸν αὐτοκράτορα Ῥωμαίων ὡς ἡμᾶς ἀφικέσθαι ὁρῶ κατεπεΐγουσαν (Leo Diac. VI, 106, lin. 19—20) *право судихомъ*, но точною простословесень, и писаніемъ и клятвою твердою, кленшея оружьемъ своимъ, такую любовь *извѣстити* и *утвердити*...»; или: «сѣтворихомъ Ивановомъ написаніемъ на двою харотью, царя вашего и своею рукою... *извѣсти*; мы же кляхомся къ царю вашему, иже отъ Бога суще

¹⁾ Сюда же должно быть отнесено и отдѣленіе сравнит. степеней отъ надежей, ими управляемыхъ, напр. μὴ περαιτέρω φουῶν τοῦ προσήκοντος. (Leo Diac. IV, 80. lin. 18—19. Theoph. XXIV lin. 18.

²⁾ Cerem. II, p. 703 lin. 13—13. τις часто ставится и въ срединѣ: τῶν φίλων τις στρατιωτῶν Leo Diac. IV, 57. lin. 4.

яко Божіе зданіе по закону и по покону языка нашего, не *переступати...*». Въ Игоровомъ договорѣ такое размѣщеніе взаимныхъ зависимостей встрѣчается рѣже. Выше мы замѣтили, что подлежащее въ договорахъ помѣщается иногда на концѣ: эта особенность также оправдывается современнымъ имъ языкомъ: «ἐπεὶ κατὰ τὸ δοκοῦν εἰαυτῷ τέλος ἐχώρει τὰ πρᾶγματα (Leo Diac. III, 47. lin. 23); ὅτι βούλοιο τοῖς Μουσῖς ἢ τῶν φόρων, ἣν τῶν Ῥωμαίων αὐτοῦσιν, ἑσπράξις (ibid. IV, 62, lin. 1); οἷον τε πάσχοусι τὴν κοσμηκὴν διαπεραιούμενοι θάλατταν ἔμποροι (Theoph. vit. I. 1).

Вотъ все, что мы можемъ сказать, не вдаваясь въ излишнія подробности объ устройствѣ періодовъ въ договорахъ, на сколько отразилось на немъ Визант. вліяніе. Дальнѣйшія сближенія могутъ находить себѣ оправданіе только въ смѣлыхъ и не правдоподобныхъ предположеніяхъ. Въ толкованіи же и разсмотрѣніи языка столь древнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ, каковы наши договоры, должно соблюдать величайшую осторожность, смотрѣть на ихъ текстъ, какъ на святыню и только тогда допускать въ немъ какія либо видоизмѣненія, когда всѣ усилія извлечь изъ него смыслъ, при его настоящемъ видѣ, остаются тщетными и когда предпринимаемое видоизмѣненіе опирается на ясныхъ и положительныхъ доказательствъ, подкрѣпляемыхъ историческими, филологическими и логическими соображеніями. Старина сохранила намъ эти памятники какъ величайшую драгоценность, у нихъ мы можемъ спросить и узнать, если съумѣемъ спросить, о той или другой сторонѣ жизни нашихъ предковъ. Но при этомъ вопросъ каждая буква, каждая черта буквы должны быть неприкосновенны, потому что изъ совокупности ихъ, правильно понимаемыхъ, мы можемъ возсоздать болѣе или менѣе полный обликъ родной старины. Смѣлость въ обращеніи съ текстомъ неизбѣжно сообщить ложное понятіе о событіяхъ и затемнить истину, которая есть первая и послѣдняя цѣль подобныхъ изслѣдованій. Если ученый Германецъ готовъ написать кни-

гу въ защиту какой либо Греческой или Латинской формы, сохранившейся въ рукописи, единственно потому, чтобы избѣжать произвольнаго предположенія и сохранить древнѣй текстъ, то какая должна быть осторожность въ объясненіи смысла нашихъ договоровъ, когда содержаніе ихъ состоитъ въ изображеніи общественной жизни Руси, и при томъ въ эпоху, столь скудную историческими памятниками! Тѣмъ менѣе мы имѣемъ право на смѣлыя предположенія, при объясненіи текста договоровъ, что можемъ съ увѣренностію утверждать о неповрежденности ихъ языка, заключающаго въ себѣ рѣзкіе и обильные слѣды глубокой древности.

III.

О византійскомъ вліяніи на синтаксисъ языка договоровъ.

Если Византійскій языкъ, ко времени заключенія договоровъ, уже утратилъ простоту и естественность въ построеніи періодовъ, то, по отношенію къ словосогласованію и словоупотребленію, онъ потерялъ первоначальную правильность. Такъ въ именахъ видимъ смѣшеніе надежей, въ глаголахъ — смѣшеніе формъ; то же находимъ и въ неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи. Если присоединимъ къ тому смѣшеніе въ значеніяхъ, когда одно слово принимаетъ самыя разнообразныя и разно-характерныя значенія, смѣшеніе самыхъ частей рѣчи, то будемъ имѣть хотя и неполное понятіе о безпорядкѣ, господствовавшемъ въ Визант. языкѣ. На основаніи одного простаго соображенія, невозможно предположить, чтобы упомянутые недостатки въ строѣ рѣчи, въ большей или меньшей степени, не отразились въ языкѣ нашихъ грамотъ, какъ скоро справедлива мысль, что они — переводы съ Визант. подлинника. Отраженіе этихъ недостатковъ признаетъ не-

обходимымъ тотъ, кто знакомъ со старинными переводчиками, которые, держась буквы подлинника, не только переносили въ переводъ неправильности языка послѣдняго, но и присоединяли къ нимъ еще множество своихъ, единственно изъ желанія или ложнаго убѣжденія въ необходимости сохранить слова подлинника, которыхъ часто не понимали.

Впрочемъ, сравнивая договоры съ другими древнѣйшими Болгарскими и Сербскими переводами въ разсматриваемомъ отношеніи, находимъ рѣзкое различіе между ними въ степени ясности рѣчи и правильности языка. Для сравненія достаточно взять хотя одинъ отрывокъ переводовъ, помѣщенныхъ въ лѣтописи Нестора и заключающихъ въ себѣ несомнѣнные признаки глубокой древности. Въ договорахъ мы никогда не встрѣтимъ выраженій, подобныхъ слѣдующимъ: «не чюдисе прѣльститисе подобіемъ, ниже извѣтомъ явленія искусити, иже глаголемымъ истину» ¹⁾, гдѣ переводчикъ, не понявъ мысли, набиралъ только слова, болѣе или менѣе соотвѣтствующія подлиннику, руководясь извѣстными, однажды принятыми условіями перевода. Приведемъ еще слѣд. два примѣра буквального перевода. «Царь же изиде воевати на Агараны, оставь въ градѣ Орифа ипарха, иже не у цареви ни отихже поучаваашесе и въ умѣ имѣаше твориму, безбожныхъ Русь възвѣсти нашество, бывшу уже у Мавропотама» ²⁾. «Съ къ Евксинскому Понту въ устии

¹⁾ Μὴ θαῦμα ἀπατάσθαι προσήκει μήτε μὴν ἐπαγγελία φιλήδοκμᾶσθαι δε τῶν λεγομένων τὴν ἀλήθειαν. Чт. Общ. Ист. и Др. 1846, № 4, стр. 81. Переводчикъ принялъ *προσήκει* за существ., переведенное имъ — *подобіемъ*, а *ἀπατάσθαι* за повелит. наклоненіе, отъ чего у него потерялась связь послѣдующаго съ предъидущимъ.

²⁾ Ὁ δὲ βασιλεὺς ἐξεστράτευσεν κατὰ τῶν Ἀγαρινῶν, καταλιπὼν ἐν τῇ πόλει ταύτῃ φυλάττειν Ὀουρόφαν ὑπαρχὸν ὄντα, ὅστις οὕτω τῷ βασιλέως μὴδὲν ἐξ ὧν ἐμελέτα καὶ κατὰ νοῦν εἶχεν ἐργασαμένου τὴν τῶν ἀνδρῶν Ῥῶς ἐμήνησεν ἀφίξειν γεγεννημένον ἥδε κατὰ τὸν Μавροπόταμον, *ibid.* Здѣсь мы видимъ удивительное блужданіе

лову въ Іеро глаголемое внезапно нападе на не» ¹⁾. Изъ приведенныхъ примѣровъ также древнѣйшаго перевода видно, какое различіе между послѣднимъ и переводомъ договоровъ, что и понятно: для переложенія на языкъ Руссовъ столь важнаго дипломатическаго акта, безъ сомнѣнія, назначенъ былъ человѣкъ, извѣстный своимъ знаніемъ обоихъ языковъ, знакомый съ приемами перевода и, вѣроятно, неоднократно исполнявшій подобныя порученія, между тѣмъ какъ переводчики Г. Амартола, не заключавшіе въ себѣ столь благоприятныхъ условій, перелагали подлинникъ совершенно механически, часто не понимая того, что перелагали. Переводчикъ Олегова договора, по нашему мнѣнію, былъ знатокъ своего дѣла, умѣвшій, при подчиненіи общему направленію, усвоить своему переводу многія неоспоримыя достоинства. Еще съ большимъ уваженіемъ мы должны смотрѣть на пере-

переводчика: 1) онъ не понялъ род. самост. βασιλέως μηδὲν ἐργασαμένον и, конечно, не понялъ потому, что причастіе отдѣлено отъ своего существъ; 2) не понялъ оборота, извѣстнаго въ Греч. языкѣ подъ именемъ аттракціи и употребленнаго здѣсь Георгіемъ Амартоломъ: μηδὲν ἐξ ὧν ἐμελέεα = ἐκ τούτων, ἃ ἐμελέεα; 3) потерялъ изъ вида существъ, къ которому отнесено причастіе γεγενημένος и невѣрно перевелъ *бывшу*, относя это послѣднее, кажется, къ *царевн*.

¹⁾ οὗτος πρὸς τῇ τοῦ ἐυξείνου πόντου στόματι παρεδρεύων ἐν τῇ ἱερῇ λεγομένῃ ἀθρόον τοῦτοις ἐπέθετο. Переводчикъ затруднился членомъ τῇ, отнесеннымъ въ подлинникѣ къ στόματι, и предложилъ πρὸς отнести къ ἐυξείνου πόντου, между тѣмъ какъ въ подлинникѣ отъ него зависитъ существъ. στόματι. Эти примѣры я заимствовалъ изъ отрывковъ Серб. перевода Хроники Г. Амартола, помѣщенныхъ Кн. Оболенскимъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. (1846, № 4). Рукопись означеннаго Серб. перевода писана въ Хиландар. монастырѣ, въ 1385 г. (стр. 75), слѣдовательно почти въ одно время съ нашими переводами. Болгарскій переводъ той же Хроники сохранился въ пергам. спискѣ исхода XIII столѣтія и заключаетъ въ себѣ тѣ же недостатки, какіе и Сербскій. «Языкъ того и другаго перевода, говоритъ Кн. Оболенскій, отличается глубокою древностію, но кѣмъ и когда они были сдѣланы, неизвѣстно» (стр. 74).

водчиковъ остальныхъ договоровъ: чистота и отчетливость во всѣхъ отношеніяхъ составляютъ такую противоположность съ темнотою и запутанностію, господствующими въ другихъ древнѣйшихъ переводахъ Славянскихъ, что невольно поддаешься сомнѣнію касательно подновленія ихъ языка, хотя это сомнѣніе и устраняется древностію самаго языка.

Какова бы ни была однако опытность нашихъ переводчиковъ — приемы и условія перевода въ древности были одни и тѣ же и, вслѣдствіе ихъ приемовъ, Византійское вліяніе должно было отразиться и въ построеніи періодовъ, и въ нѣкоторыхъ уклоненіяхъ отъ синтаксиса роднаго языка. При обсужденіи предмета необходимо разсмотрѣть какъ самый предметъ, такъ и его отношенія къ другимъ однороднымъ предметамъ съ возможною полнотою, и потомъ уже произносить заключеніе, а потому мы, касательно общихъ достоинствъ и недостатковъ нашихъ договоровъ, по отношенію къ синтаксической правильности ихъ языка, держимся того мнѣнія, что они съ одной стороны съ торжествомъ выдерживаютъ сравненіе съ другими почти одновременными переводами Болгарскими и Сербскими и тѣмъ ясно доказываютъ искусство переводчиковъ, съ другой, вслѣдствіе ложнаго понятія объ условіяхъ перевода, при господствовавшей въ Визант. рѣчи искусственности и безпорядочности, не могли не оставить въ себѣ ясныхъ слѣдовъ своего Визант. происхожденія. На эти-то слѣды мы и постараемся теперь указать, при чемъ будемъ держаться слѣд. порядка: сначала обратимъ вниманіе на вступленія и заключенія, преимущественно Олегова договора, какъ на части, наиболѣе отличающіяся Греч. подлинникомъ, а потомъ укажемъ на Грецизмы въ самыхъ статьяхъ. Въ томъ же случаѣ, когда встрѣятся однородныя явленія въ различныхъ частяхъ договоровъ, будемъ разсматривать ихъ вмѣстѣ.

Въ самомъ началѣ предстоящаго разбора, мы должны остановиться на самомъ замѣчательномъ и самомъ извѣстномъ выраженіи: *«равно другаго спящанья»*, повторяю-

щемся неизмѣнно при началѣ каждаго договора. Съ одной стороны уже то обстоятельство, что оно неизмѣнно и всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ встрѣчается въ договорахъ, свидѣлствуетъ о официальном значеніи, съ другой то, что его синтаксическое построеніе, вовсе не отличающееся Славянскимъ, тѣмъ менѣ Русскимъ характеромъ, рѣшительно доказываетъ буквальный, насильственный переводъ съ иноземнаго языка. Оба эти обстоятельства побуждаютъ насъ обратить особенное вниманіе на это выраженіе. Мы почтемъ себя счастливыми, когда, рассмотрѣнемъ съ филологической стороны, успѣемъ указать на нѣсколько особенное его значеніе. Тѣмъ болѣе считаемъ себя въ правѣ распространиться объ этомъ предметѣ, что отъ достаточнаго его уясненія отчасти уясняются и наши свѣдѣнія о формѣ заключенія договоровъ. А чтобы избѣжать повтореній въ разныхъ мѣстахъ объ одномъ и томъ же выраженіи, мы присоединимъ здѣсь все, что къ нему ни относится.

Въ этомъ разборѣ мы постараемся 1) показать Греческое происхожденіе упомянутаго выраженія, 2) его значеніе, какое оно имѣло на Греческомъ языкѣ и 3) этимъ послѣднимъ объяснить значеніе его въ договорахъ. — Греческое происхожденіе выраженія: «равно другаго свѣщанья» несомнѣнно и главнымъ образомъ подтверждается двумя словами: *равно*, въ смыслѣ существительнаго, управляющаго родит. надежемъ, и *свѣщанье*, имѣющимъ какое-то официальное значеніе. Разсмотримъ и то и другое.

Соображая съ этою цѣлію всѣ три договора, мы замѣчаемъ, что, во-первыхъ, слово «равно» употреблено совершенно какъ существительное, управляющее род. надежемъ, между тѣмъ какъ, по общепринятому объясненію, оно почитается скорѣе за нарѣчіе: *на равнѣ, согласно, или на основаніи* ¹⁾; во-вторыхъ, что это существительное употреблено независимо, отдѣльно, безъ всякой связи съ

¹⁾ Эверсъ. Древ. Р. Пр. стр. 135.

предъидущими и послѣдующими выраженіями, такъ что невольно представляется какимъ-то *техническимъ терминомъ*, общеупотребительнымъ, общеизвѣстнымъ на дипломатическомъ, или вообще на юридическомъ языкѣ. Вотъ всѣ мѣста, въ которыхъ встрѣчается разсматриваемое выраженіе: 1) «и посла глаголя равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царихъ Лва и Александра» (стр. 13 Пол. Соб. Р. Лѣт.). Съ перваго взгляда нельзя не замѣтить глубокихъ слѣдовъ буквального перевода. Переводъ обнаруживается и въ несогласованіи надежей: «при царихъ Лва и Александра». Здѣсь *равно* никакъ нельзя относить къ причастію *глаголя*: такая зависимость опровергается тотчасъ сравненіемъ этого мѣста съ другими, очевидно съ нимъ тождественными, въ которыхъ *равно* находится внѣ всякой связи съ предъидущими выраженіями. Можно съ достовѣрностію положить, что Несторъ, — если только онъ внесъ договоры въ свою лѣтопись, а не позднѣйшій ея дополнителъ, — помѣщая его послѣ словъ: «посла Олегъ мужи свои построить мира и положить ряды межи Греки и Русью» и вовсе не понимая выраженія: «равно другаго свѣщенія», которымъ, по нашему мнѣнію, начинается актъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая связать его съ предъидущею своею мыслию, безъ всякаго смысла прибавилъ слова: «и посла глаголя» ¹⁾. 2) То же должно сказать о томъ же выраженіи въ началѣ Игорева договора: «приведоша Рускія слы, и велѣша глаголати, псати обоихъ рѣчи на харатьѣ, равно другаго свѣщанья, бывшаго при цари Романѣ, и Костянтинѣ, и Стефанѣ, христолюбивыхъ владыкъ» (стр. 19). Несогласованіе въ надежахъ и здѣсь даетъ полное право предполагать буквальный переводъ съ Греч. языка. Независимость же выраженія: «равно другаго свѣщанья» въ настоящемъ случаѣ подтверждается слѣдующими соображеніями. Если принять господствовавшее доселѣ объясненіе мѣста, то

¹⁾ Впрочемъ *глаголя* нѣтъ ни въ Радз., ни въ Троиц. спискахъ.

должно было бы ожидать: «равно... бывшего *при Игорѣ*», потому что предварительное соглашеніе происходило, безъ сомнѣнія, въ Кіевѣ, послѣ чего самъ Игорь отправилъ пословъ въ Константинополь: «присла Романъ, и Костянтинъ, и Стефанъ слы къ Игореву построи мира перво-го; *Игоръ же глагола съ ними о миръ*. Посла Игорь мужѣ своя къ Роману». Въ первомъ случаѣ могло быть сказано: «бывшаго при царихъ Лва и Александра», потому что въ лѣтописи не упоминается о посольствѣ въ Кіевѣ, объ отправленіи Олегомъ пословъ прямо въ Константинополь для заключенія мира. Равнымъ образомъ и въ третьемъ договорѣ слова: «бывшаго при Святославѣ» могутъ быть допущены при общепринятомъ толкованіи выраженія: «равно другаго свѣщанія» (согласно съ предварительнымъ соглашеніемъ), хотя такому толкованію и въ этихъ двухъ мѣстахъ противорѣчатъ другія весьма важныя обстоятельства. Съ другой стороны предположеніе предварительнаго свѣщанія въ Константинополѣ Русскихъ пословъ съ Визант. Императорами заставляетъ предполагать полномочіе самыхъ пословъ, чего нельзя допустить, какъ справедливо замѣтилъ Эверсъ (стр. 91). 3) Что же касается до того же выраженія въ Святославовомъ договорѣ, то оно менѣе прочихъ нуждается въ предположеніяхъ для своего объясненія, по причинѣ своей рѣшительной отдѣльности, тотчасъ побуждающей принимать его за официальную формулу: «нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писецъ писати. Глагола сиче: равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣналдѣ, писано при Фефелѣ» и т. д. При самомъ поверхностномъ взглядѣ на это вступленіе, нельзя не видѣть, что слово *равно* употреблено въ особенномъ значеніи, и при томъ какъ озаглавливающее самый договоръ, слѣд. безъ всякой связи съ предъидущими и послѣдующими выраженіями. Слово *писано*, очевидно относящееся къ слову *равно*, еще болѣе подтверждаетъ употребленіе послѣдняго какъ существительнаго. Изъ всего предшествующаго изложенія можно сдѣлать то за-

ключеніе, что слово *равно* имѣетъ особенное значеніе и вмѣстѣ съ другими словами служить заглавіемъ договоровъ, чѣмъ только и можетъ быть объяснено неизмѣнное его присутствіе. Эта особенность подтверждается и отрицательно — отсутствіемъ такого значенія во всѣхъ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ. И такъ иноземное происхожденіе слова *равно* не подвержено никакому сомнѣнію, а особенность его формы обязана единственно буквальному переводу, а можетъ быть и тому, что самъ переводчикъ не понималъ надлежащимъ образомъ всего разсматриваемаго нами выраженія. На современномъ договорамъ Визант. языкъ мы находимъ слово, буквально соотвѣтствующее нашему *равно* и имѣющее свое особенное, оффиціальное значеніе. Это слово τὸ ἴσον.

Если справедлива мысль, что *равно* можетъ имѣть только указанное нами значеніе, равное Греч. τὸ ἴσον, то тѣмъ самымъ уничтожается общезвѣстное объясненіе другого слова — *свѣщанія*, какъ словеснаго соглашенія, совѣщанія. Кромѣ того, послѣднему объясненію противорѣчатъ историческія соображенія и внѣшняя форма самаго выраженія.

Мы уже сказали, что трудно предположить предварительное соглашеніе Русскихъ пословъ Игоря съ Византійскими Императорами въ Константинополѣ. То же, еще съ большею достовѣрностію должно сказать и о первомъ договорѣ, потому что никакъ нельзя относить упомянутаго совѣщанія къ договору 907 года, по той указанной нами причинѣ, что это предварительное соглашеніе, какъ его обыкновенно называютъ, вовсе не вошло въ самый формальный договоръ 911 года, и что, слѣдовательно, послѣдній не могъ быть заключенъ на его основаніи. Если должно измѣнить значеніе слова *свѣщаніе* относительно первыхъ двухъ договоровъ, то оно будетъ инымъ и относительно Святослава. При томъ, разсматривая содержаніе послѣдняго, заключающаго въ себѣ собственно только два условія: не воевать съ Греками и воевать съ ихъ

врагами, нельзя не видѣть, что онъ есть только необходимое дополненіе ко всѣмъ предъидущимъ, дополненіе, еще опредѣлительнѣе обезпечивающее Грековъ отъ опустошительныхъ набѣговъ Руссовъ на Имперію, такъ что прежнія условія касательно свободной торговли, а равно и прежнее опредѣленіе взаимныхъ отношеній Грековъ и Русскихъ въ Константинополѣ, оставались въ полной силѣ. Послѣднее обстоятельство подтверждается не только продолжавшимися и послѣ того сношеніями Русскихъ съ Греками, но и положительнымъ свидѣтельствомъ Льва Діакона, который упоминаетъ о слѣдующихъ условіяхъ: 1) сдать Доростолъ Грекамъ; 2) выдать плѣнныхъ; 3) Руссамъ возвратиться въ отечество; 4) предоставить имъ свободный выходъ изъ Имперіи; 5) снабдить ихъ продовольствіемъ и 6) *продолжать съ ними прежнія дружественныя торговыя сношенія* ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что Левъ Діаконъ приводитъ только главнѣйшія условія, между тѣмъ какъ предварительныя соглашенія Святослава съ Цимисхіемъ, или лицъ, къ тому назначенныхъ, имѣли въ виду, по крайней мѣрѣ, болѣшую часть статей предшествовавшихъ договоровъ. Согласно съ сказаннымъ, можно съ увѣренностію полагать, что выраженіе «равно другаго свѣщанья» въ началѣ Святославова договора, едва ли можетъ относиться къ краткому дополненію, помѣщенному въ лѣтописи.

Принявъ обыкновенное толкованіе разсматриваемаго выраженія: «на основаніи предварительнаго соглашенія», какъ въ первыхъ двухъ договорахъ, такъ особенно въ Святославовомъ, мы будемъ имѣть мысль неоконченную, прерванную на половинѣ, оторванную отъ всего предъидущаго и послѣдующаго, между тѣмъ какъ такой отрывочности, еще менѣе неоконченности мысли, нельзя ожидать въ дипломатическомъ актѣ, какъ скоро онъ былъ

¹⁾ Καὶ φίλους ἡγεῖσθαι αὐτοῖς, κατ' ἐμπορίαν πρὸς τὸ Βοζάντιον στελλομένους καὶ ἀπὲρ ἀνέκαθεν ἔθιμον ἦν. Leo Diac. IX, pag. 156.

первоначально изготовленъ на Греческомъ языкѣ, но обращаясь единственно къ нашимъ договорамъ, мы видимъ, что именно тѣ мѣста, которыя обнаруживаютъ очевидные признаки перевода, отличаются длинными періодами, состоящими изъ тѣсно связанныхъ между собою предложений. Итакъ ни въ одномъ изъ договоровъ слову *свѣщанье* нельзя придать значенія предварительнаго соглашенія, совѣщанія, а потому должно полагать, что во всѣхъ случаяхъ оно употреблено въ особенномъ смыслѣ, какъ и слово *равно*. Съ другой стороны эта особенность смысла вовсе не оправдывается древнѣйшими памятниками самобытной нашей письменности, въ которыхъ часто употребляемые слова: *свѣтъ*, *свѣтникъ*, *свѣщевати*, *свѣтенъ* и т. п. имѣютъ обыкновенныя значенія: *совѣта*, *совѣтника* и пр. ¹⁾. Если же во всѣхъ трехъ мѣстахъ рассматриваемое слово не можетъ имѣть значенія предварительнаго соглашенія, совѣщанія, и если употребленіе его во всѣхъ нашихъ памятникахъ ограничивается исключительно последнимъ значеніемъ, то понятно, что оно не есть туземное, а заимствованное и, конечно, изъ того же источника, откуда заимствовано слово *равно*. Въ современныхъ же договорамъ Византійскихъ памятникахъ мы дѣйствительно находимъ слово *συμβολαιον*, также почти буквально соответствующее нашему *свѣщанію* и также имѣющее свое особенное, оффиціальное значеніе. Постараемся теперь объяснить, въ чемъ же состоитъ упомянутое нами особенное значеніе того и другого слова на Византійскомъ языкѣ.

На Византійскомъ языкѣ, и именно на языкѣ юридическомъ, *τὸ ἴσον* имѣло значеніе *копіи* или *списка* съ какой-либо грамоты, буквально соответствующаго оригиналу относительно самаго содержанія, хотя и допуска-

¹⁾ Напр. въ Нестор. лѣтописи: се есть свѣтъ золъ, иже свѣщеваетъ на кровапролитѣе (стр. 33 Лавр.); иже бѣша свѣтници на убьенѣе (стр. 88); ли съ моремъ кто свѣтенъ (ст. 19).

ющаго различіе въ обозначеніи лицъ, участвовавшихъ въ заключеніи мира съ той или другой стороны, даже въ обозначеніи мѣста и времени. Такъ, при заключеніи мирныхъ трактатовъ съ Византійскою Имперіею, изготовлялись два экземпляра—на Греческомъ языкѣ и языкѣ народа, съ которымъ производились переговоры. Это и были подлинныя, офіціальныя договорныя грамоты, составленныя съ соблюденіемъ всевозможныхъ формъ, изъ которыхъ одна, писанная на Греческомъ языкѣ и скрѣпленная подписью договаривавшихся Грековъ и императорскою печатью, вручалась посламъ иноземнымъ, переведенная же на иноземный языкъ и скрѣпленная подписью пословъ, или другими знаками удостовѣренія, оставалась у императора. Это и были Менандровы *tabulae exaratae, magis authenticae, quibus plenior fides haberetur et quae majores vires haberent* ¹⁾. Но понятно, что ни Греки, большею частію незнакомые съ языкомъ окружавшихъ ихъ иноплеменныхъ народовъ, ни послѣдніе, еще менѣе знакомые съ языкомъ Грековъ, не могли довольствоваться договорными грамотами, писанными на языкахъ для нихъ непонятныхъ. Для устраненія этого неудобства, обыкновенно изготовлялись особые списки: одинъ на Греческомъ языкѣ для Грековъ, другой для иноземныхъ пословъ на ихъ языкѣ. Такіе списки съ буквальною точностію соотвѣтствовали своимъ подлинникамъ и изъ внѣшнихъ знаковъ удостовѣренія не имѣли только печатей. Подъ ними-то должно разумѣть Менандровы *aeque ac authentica approbata exemplaria, sine ulla signorum impressione, quae ad solam rei gestae memoriam valerent* ²⁾. Подъ ними-то, вѣроятно, должно разумѣть τὰ ἴσα — списки грамотъ, внесенные въ нашу лѣтопись ³⁾. Какъ за-

¹⁾ См. Эверса Др. Р. Пр. стр. 149.

²⁾ Эверс. стр. 149.

³⁾ Мы въ послѣдствіи увидимъ, что необходимыя измѣненія совершаемы были не съ дипломатическою точностію, а потому и въ нашихъ Русскихъ спискахъ укажемъ на слѣды ихъ происхожденія отъ Греческихъ подлинниковъ.

включающіе въ себѣ буквально одинаковое содержаніе съ подлинникомъ, какъ такіа же *authentica approbata exemplaria*, они нисколько не теряютъ своей достовѣрности и должны быть разсматриваемы, какъ самые подлинники, для насъ едва ли не навсегда утраченные, какъ утрачены и самые оригиналы списковъ, внесенныхъ въ лѣтописи. Въ этомъ состоитъ первое и непосредственное значеніе τὸ ἴσον на юридическомъ языкѣ, которое и подтвердимъ примѣрами. Первоначальное же значеніе слова ἴσον, какъ происходящаго отъ прилагательнаго ἴσος, есть: равно, одинаково, тождественно, и въ такомъ случаѣ оно, какъ существительное, согласуется съ родительнымъ надежѣмъ. Такъ, одинъ изъ продолжателей Теофана говорить: «διὰ τὸ μὴδὲν ἄλλο τῶν εἰς πολιτοκίαν συντεινόντων ἴσα δοῦσθαι τούτου ¹⁾, или: τὰ ἴσα αὐτοῖς μεθεῖν τῆς ἐκ Θεοῦ νίκης ὁμῶν» ²⁾. Последнее выраженіе, безъ сомнѣнія, должно понимать такъ: мы просимъ отъ Бога побѣдъ, равныхъ твоимъ побѣдамъ ³⁾. Это обыкновенное употребленіе въ послѣдствіи времени перешло въ языкъ юридическій и получило особенное, частное значеніе — *списка, копіи*. «Ἰσον, говоритъ Дюканжъ, *Graecis recentioribus est quod veteribus ἀντίγραφον, simile quodvis scripti exemplar*» ⁴⁾, и въ этомъ случаѣ совершенно соответствуетъ Латинскому *par, paricla, apparatus*.

¹⁾ Joan. Cameniata. De excid. Thessal. p. 532 lin. 3.

²⁾ Const. Porph. de cerem. I, pag. 320, lin. 13.

³⁾ Такое употребленіе прилагательныхъ вмѣсто существительныхъ, не только въ множественномъ числѣ среднего рода, но и въ единственномъ, совершенно оправдывается современными договорамъ Византійскимъ языкомъ, допускавшимъ несравненно болѣе свободы въ этомъ отношеніи сравнительно съ языкомъ классическимъ, напр.: τὸ τῆς ἐγκρατείας στεῤῥρόν... τὸ τῆς σωφροσύνης λαμπρόν. Theoph. vit. p. XIV, или τὸ τοῦ Ἰωσήφ δουρμενὲς τε καὶ ἄσπονδον ὑπολογιζόμενος. Leo Diac. III, 41, а на стр. 82: Ἀντιοχεῖς δὲ τῇ ἀπροσδοκήτῃ καταπλαγέντας εἰς οἰμωγὰς καὶ θρήνους τραπῆναι и пр.

⁴⁾ Однозначущее съ τὸ ἴσον въ этомъ смыслѣ слово *paricula* или *paricla* Дюканжъ объясняетъ такъ: «*paricula charta*,